

Костёр

9
СЕНТЯБРЬ
1959

Колосёр

9

СЕНТЯБРЬ
1959

ежемесячный детский журнал

ЦК ВЛКСМ

ентрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина

Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, СКАЗКИ

«КАПА» М. Коршунова, «КТО
МОЯ МАМА» А. Котовицкой,
«ПОДАРОК» И. Пауновски,
«ТАЙНА РЕДАКТОРА КОЛПА-
КОВА» И. Бахтерева, «ОСОБОЕ
ПОРУЧЕНИЕ» С. Дворникова

*

СТИХИ

«ПРО ВЕСНУ И ОСЕНЬ» Г. Но-
вицкой, «ЧАСОВАЯ МАСТЕР-
СКАЯ», «МАГАЗИН БЕЗ ПРО-
ДАВЦА», «КАФЕ-АВТОМАТ»
Г. Горбовского

*

ОЧЕРКИ

«МЫ — РАБОЧИЕ ЛЮДИ»
Б. Половникова, «РАССКАЗЫ
О МЕНДЕЛЕЕВЕ» Н. Влади-
мирской, «ШКОЛА В КАТАКОМ-
БАХ» М. Поляковой, «ПЕСНЯ О
КРАСНОМ ЗНАМЕНИ» В. Ядова,
«ФАБРИКА ВКУСНОГО ХО-
ЛОДА» Е. Рейна, «КНИЖКИ
У СЕБЯ ДОМА» Г. Константи-
новской

*

НАША СЕМИЛЕТКА

*

СПОРТ

*

На обложке рисунок Н. Носкович
На титуле фото Б. Уткина

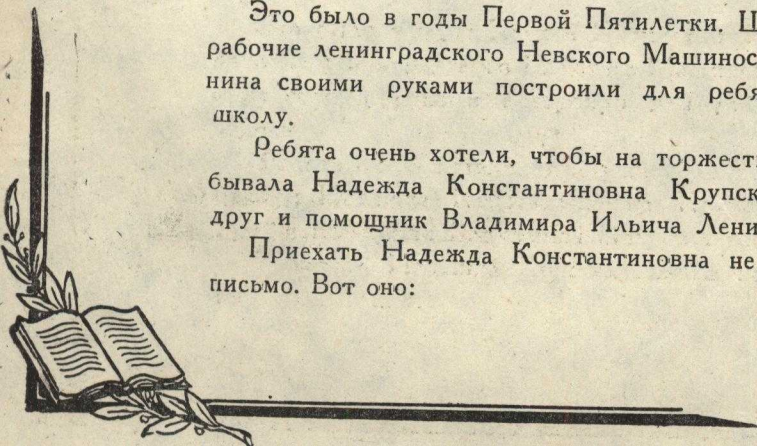
ТЕПЕРЬ ЖИЗНЬ ТАКАЯ.

Это было в годы Первой Пятилетки. Школьных зданий не хватало, и рабочие ленинградского Невского Машиностроительного завода имени Ленина своими руками построили для ребят Невской заставы большую школу.

Ребята очень хотели, чтобы на торжественном открытии их школы побывала Надежда Константиновна Крупская, старый большевик, жена, друг и помощник Владимира Ильича Ленина.

Приехать Надежда Константиновна не смогла. Но в школу пришло письмо. Вот оно:

ТО МНОГО НАДО ЗНАТЬ

Пионерам 16 ФЭС
базы 3-да им. Ленина

Дорогие ребята!

Я получила ваше письмо с приглашением приехать на открытие вашей школы. Я приехать не могла в этот день. Приду посмотреть вашу школу, когда буду в Ленинграде.

По описанию судя, школа оборудована очень хорошо, она большая, может охватить всех ребят. Я помню, как 40 лет тому назад учительницы Володарского района рассказывали, как много ребят тогда оставалось за бортом школы, не было мест, и матери ребят плакали, что дети их останутся темными, неучеными.

Школа хороша и красива, но важно также, чтобы в ней хорошо шла учеба, чтобы ребята много узнавали в школе, многому научились. Знание — сила. Если мало знаешь, всякий буржуй тебя обмануть может, может очки втереть. Теперь жизнь такая, что много надо знать.

Я знала многих рабочих Невского завода им. Ленина. Они жизнь свою отдали за то, чтобы сбросить помещиков, капиталистов, сбросить царя и его свору.

Дорогие ребята, вы — пионеры, вам надо идти впереди всех в борьбе за рабочее дело, заботиться, чтобы все ребята были настоящими борцами за жизнь сытую, здоровую, просвещенную, светлую.

Ни на минуту не забывайте о ребятах других стран.

Помните лозунг: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

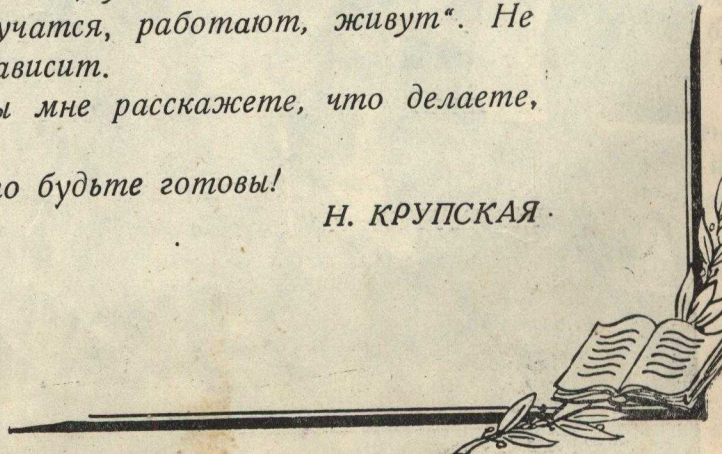
В старину говорили: „Не красна изба углами, а красна пирогами“. Теперь эту поговорку надо обернуть так: „Не только красна школа тем, какое у ней здание, она красна тем, как в ней ребята учатся, как себя ведут, хорошо ли они организованы, умеют ли владеть собой, дружно ли, хорошо ли учатся, работают, живут“. Не правда ли? Это от вас зависит.

Когда приеду к вам, вы мне расскажете, что делаете, чего достигли.

К борьбе за рабочее дело будьте готовы!

Н. КРУПСКАЯ.

16/XI 33 г.

МЫ—РАБОЧИЕ ЛЮДИ

Всем известно, что в школу берут портфель. А эти ребята взяли с собой ломы, лопаты, молотки, шлямбуры.

Каждый знает, что пол и стены надо беречь, не пачкать, не царапать. А эти ребята

сейчас начнут ломами отворачивать доски пола, пробивать в стенах дыры, — насквозь!

Любой первоклассник скажет, что в школу ходят осенью, зимой и весной. А эти ребята пришли в школу летом.

Все не так! И за это им еще скажут: «Молодцы!»

В чем тут дело?

Дело в том, что 391-ая школа Кировского района Ленинграда стала на капитальный ремонт.

Пусто в школе. Окна без рам, вокруг старая штукатурка, известка, щепки, — мусор. Из класса в класс кочуют передвижные подмости, рабочие отдирают, отбивают, сносят старое, обветшалое, все, что нужно менять.

— Нашу школу ремонтируют. Что же мы — явимся на готовенькое? Нет! Будем работать летом. Двадцать дней по четыре часа.

Рабочий день начинается в восемь утра. Но почему-то все приходят раньше времени. Бригадир Сеня Демиденко пересчитывает своих: Миша Павлов, Валя Тужилина, Света Белякова, Саша Рыбалко, Игорь Ермилов, Саша Лебединская, Юра Ляпинский... Нет одного Мархасина.

Любит Мархасин опаздывать. Но ребята

не шутят: предупредили раз, другой, а потом взяли да не пустили на работу. Посердился Борис Мархасин, посердился — и стал приходить вовремя.

А больше никаких чрезвычайных происшествий не было. Работали один лучше другого. Теперь спросите любого, и вам расскажут, как надо правильно отбивать старую штукатурку, как накладывать новую, как за-

мешивать раствор, как работать пульверизатором, как вести проводку.

Но больше всего пришлось таскать мусор. Скучное это занятие, а для ремонта очень важное. Мусор скапливается незаметно, по щепочке, по куску штукатурки. Но вот его уже горы, подсобники не справляются с уборкой, приходится отрывать от дела рабочих-мастеров. Тут-то и приходят на помощь ребята. И ремонт идет широким фронтом, тыл обеспечен.

...Это было летом. Вместе работали, вместе ездили в Стрельну — купаться, загорать, играть в баскетбол.

Ремонт школы закончился гораздо раньше, чем думали.

Давно уже сидят за партами ребята. Школа, как новенькая. Все божится! И многое сделано своими руками.

— Что ж, надо отремонтировать, помогли. Работы не боимся, к ней не привыкать. Мы — рабочие люди.

Б. Полов

КАПА

Михаил Коршунов

Рисунки И. Харкевича

Длинные накатистые волны, поднимаясь далеко в море на песчаном мелководье, медленно идут на берег. На их верхушках шелестят белые султаны пены. Морская трава, свалившаяся в коричневый пояс, лежит вдоль берега у самого края прибоя. В траве копошатся мелкие крабы и улитки.

Берег — это узкая стрелка. По одну сторону стрелки — гнилое море Сиваш, по другую — Азовское.

Место пустынное, нежилое, песок да ракушки. Ни деревьев, ни пресной воды. Только кусты песчанки и степные жесткие цветы дроки.

Жили на стрелке дед Ермак с внучкой Капой.

Дед сторожил соль, которую рабочие добывали из Сиваша. Ее посылали на химический завод в Запорожье, ставили какие-то опыты.

Дед прикрывал соль рогожей, чтобы не раздувало ветром, сушил, перебрасывая лопатой.

Оберегал от коз, которые приходили стадами из соседнего поселка Джурчи.

Рабочие были сезонными. Добыв нужное количество соли, оставляли ее деду Ермаку для окончательной просушки, сворачивали палатки и уезжали.

И вновь на стрелке возвышался одинокий дом из потемневшего севастопольского камня с медным флюгером на крыше, пропахший рыбацкими сетями и канатами, сложенными на чердаке.

Возле дома под навесом стояла железная бочка на резиновых надувных колесах. В ней была питьевая вода.

Шофер Георгий дважды в неделю привозил полную бочку и забирал пустую. Бочки он цеплял к маленькому открытому автомобилю с брезентовым верхом и деревянным, на заклепках, рулем. Привозил еще Георгий табак для трубки. Больше деду Ермаку ничего и не надо. Главное — табак. А для Капы главное — море, которое рядом, у самого дома.

Пробеги двадцать шагов от порога — и вот оно, море!

...Встанет утром солнце и разбудит море. А море тронет пески и разбудит в песках желтый ветер. А ветер повернет на крыше флюгер, зашумит вертушкой и разбудит Капу.

Растопив мангал и поставив на него чайник, Капа хватает гребешок и бежит к морю.

Над морем летают дикие голуби. Плавают пух одуванчиков: за ночь его нанесло ветром со стрелки, и он держится на воде.

Когда поднимется первая волна, пух намокнет и утонет.

На берегу на бревенчатых катках стоит баркас «Зяблик». Он такой же старый, как и якорь, который свисает с его носа. Еще в молодости дед промышлял на этом баркасе с артелью рыбаков.

Сохранились и цементные чаны для засолки бычков и султанки, и домик-кухня для стряпухи, и ворот с тросом, чтобы вытаскивать из воды лодки, и колья для сушки сетей. Стоит и рыбацкая вышка, сколоченная из жердей, с лестницей. С вышки наблюдали за ходом рыбы.

На «Зяблике» давно уже не плавают. С тех пор, как пропали рыбы косяки и ушла большая рыба.

* * *

Вода светлая и тихая до самого дна, где лежит ребристый песок. Под ногой он вскидывается облачком и медленно оседает, затягивая след. Вздрагивают, плещутся на песке водяные тени, бродят пугливые стайки мальков. Спят тяжелые молчаливые камни.

Капа плавает в фиолетовую глубину моря. Уходит из-под ног песок, густеют водяные тени. Капа ныряет с открытыми глазами. В глубине, подсвеченная солнцем, висит розовая лампа медузы.

Капа переворачивается на спину и плавает к берегу. Прохладная вода обтекает плечи. Звонко и чисто стучит сердце. Без усталости бьют воду ноги. Широкими взмахами работают руки.

Капа выходит на берег. Не спеша расчесывает гребнем волосы. Потом ложится на мел-

кие сухие ракушки, подкладывает под голову руки и смотрит вдаль, где море слепнет в солнечном разливе.

Послышался сигнал автомобиля. Это Георгий везет воду и зовет сигналом Капу.

Капа надела теплое от солнца платье и побежала навстречу маленькому автомобилю, сзади которого на резиновых колесах катилась бочка с водой.

Дороги на стрелке нет. Ровный слежавшийся ракушечник и крепкие затвердевшие пески. Можно ездить вдоль и поперек.

— Здравствуй, Георгий! — кричит Капа и размахивает гребешком.

— Здравствуй, скворчонок! — высовывается сбоку из кабины Георгий и машет в ответ восьмиугольной кепкой.

Кепка его знаменитая. У маленького автомобиля давно уже отломались дворники. И в дождь Георгий на ходу протирает кепкой стекло. Несколько раз восьмиугольную кепку пытались съесть козлы, когда Георгий забывал ее в машине. В ней же, за подкладкой, хранилась наждачная пилка, чтобы зачищать пригорающие в моторе контакты.

Капа забирается в автомобиль к Георгию. — Ну, как старик? — спрашивает Георгий. — Табак не кончился?

— Кончился. Сердитый.

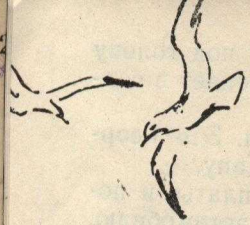
— Повеселеет.

И Георгий кивнул на заднее сидение, где лежал перевязанный шпагатом листовой табак. Внизу у сидения стоял короб с углем для мангала.

Георгий и Капа едут к дому. Слышно, как в бочке плещется вода.

Дом виден издали. Его крытая оцинкованным железом крыша остро сверкает. Вдоль

стен вялится на солнце рыба. Возле порога дымит мангал. На нем вместо чайника уже стоит чугунок. Капа знает, — дед варит бычки с луком и стручковым перцем.

Георгий въезжает под навес, оставляет полную бочку и подкатывает к прицепу пустую. Капа вытаскивает короб с углем.

На пороге появляется дед Ермак в рубашке навыпуск, простроченной по низу красной ниткой.

— Приехал, значит, — говорит дед. — Ну, иди в дом, бычками с перцем угощать буду. Рыба к нам подходить начала.

Георгий протянул деду табачные листья. Дед повертел их, отломил кусочек, растер в пальцах, понюхал и одобрительно хмыкнул.

— Годится. А ты, — обернулся он к внучке, — воду, что в старом бочонке осталась, в рукомойник выпусти.

— Выпущу.

— И за бычками пригляди, чтоб не перекипели.

— Пригляжу.

— Крышку попусту не поднимай, — навар ослабнет.

— Да что я, не знаю? — рассердилась Капа.

Бычки со стручковым перцем оказались под силу одному деду Ермаку. Георгий то и дело откладывал ложку, кашлял и вытирал рукавом глаза. Капа крепилась до последнего, но потом тоже начала кашлять и смахивать слезы.

— Прошибает, злоязычники, — подшучивал дед Ермак. — Хилое вы племя, на ратный подвиг не способное.

— Нет, способное, — ответила Капа все еще со слезами на ресницах. — Только без ваших стручков и бычков!

— В прежние года, — важно поднял ложку дед, — когда я служил в пушкарях в шестом яртаульском семисотенном гвардейском...

Тут во дворе хрипло, как треснутый кувшин, заблеял козел Разбой.

— Вражья сила! — дед бросил ложку. — Припожаловал. Сейчас учинит шкodu!

Дед Ермак не любит Разбоя. Считает, что от него больше всего беспорядков и что другие козлы тянутся за ним и во всем подражают.

Каждый раз, отгоняя Разбоя от опытной соли и глядя на его черные с косинкой зрачки и повыриванную бороду, дед Ермак качает головой:

— Створил бог и заплакал.

Капа и Георгий выбежали на порог. Автомобиль окружили козы. Разбой, конечно, уже взобрался в кабину, что-то дожевывал и покрикивал, подбадривал дружков.

Георгий схватил лопату, которая стояла на пороге, и начал разгонять стадо.

Разбой подпрыгнул, боднул лопату и убежал за угол дома.

* * *

Капа сидела в баркасе. На борту было развешено мокрое белье. Капа закончила стирку и отдыхала.

На дне «Зяблика» валялись банки из-под краски, черпак, багор, пробковые поплавки для кошельковых неводов, вешки.

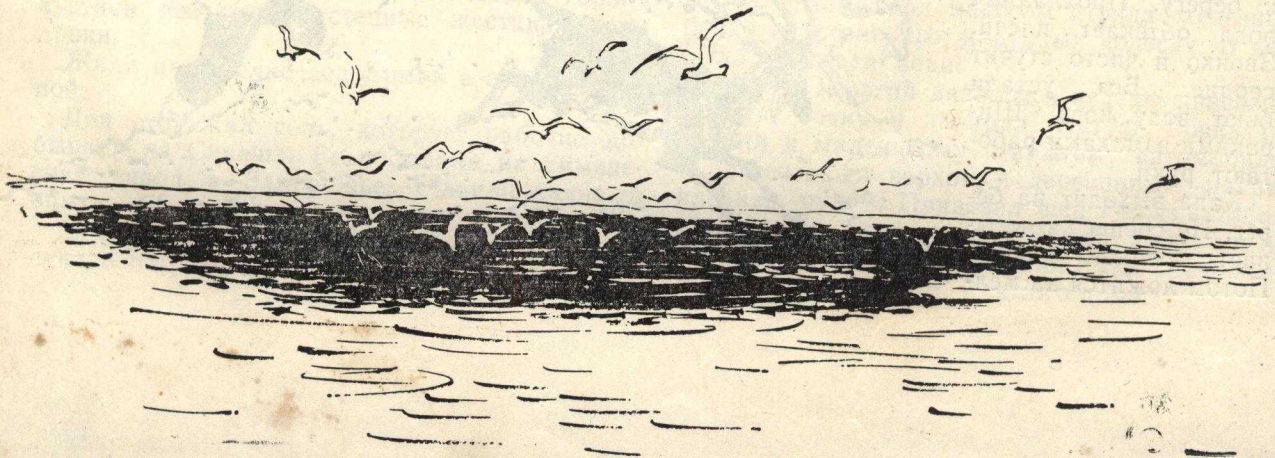
Вокруг баркаса вились стрекозы. Они цеплялись к мокрому белью и повисали на нем голубыми крестами.

Над стрелкой курилось полуденное марево. Время перешло за полдень.

Капа прилегла на скамейке, посчитала, когда должен приехать Георгий и привезти воду. Нет, не сегодня. А то она решила сделать в доме уборку: помыть полы и окна, побелить потолки. Для этого надо много воды. Дедушка тоже ждет Георгия: у него опять кончился табак.

Вдруг Капа услышала крик чаек. Вначале далекий, а потом все ближе и ближе.

Чайки кружились низко над водой, кричали и суетились.

Тогда Капа влезла на рыбацкую вышку. Ладонью прикрыла от солнца глаза.

На поверхности моря колыхалось огромное бурое пятно.

«Рыба! — догадалась Капа. — Целое поле рыбы!»

Капа спустилась с вышки и побежала к дому.

— Дедусь! Дедусь!

Дед Ермак прибывал к форточке нарезанную полосками бумагу от мух.

— Дедусь! Рыба пришла. Много рыбы! У стрелки стоит!

— А не привиделось тебе?

— Да нет же! Вы молотком грюкаете и не слышите, что на море чайки кормятся.

Дед Ермак прислушался, потом кинул на землю молоток и заспешил вслед за Капой к вышке.

— Сейнер надо, — говорила на ходу Капа. — А где его взять?

Дед взобрался на вышку, поискал по карманам трубку.

— Пустая она, на лавке валяется, — напомнила Капа.

— Ну и бес с ней, — равнодушно сказал дед, он уже вглядывался в бурое пятно.

— Да. Сейнер требуется. Как же быть, внучка, а?

Вдруг, оживившись, поспешно сказал:

— Беги в Джурчи, Капитолина. Ноги у тебя крепкие. И позвони в Керчь. Во всю мочь беги, без всякого отдыха. Рыба — она постоит и уйдет.

— А кого спрашивать, дедусь, в Керчи?

— Кого спрашивать?.. — призадумался дед. — Штаб путины еще не работает. Вот что, спрашивай базу Гослова или правление ближайшего колхоза. И все обскажи. Рыбу где-то спугнули, и она к нам в тишину завернула, спряталась. А может, вновь отрасли пастбища, и она теперь кормится. Ну, беги, беги же! Дело-то государственное!

...И Капа побежала. Степной жар затруднял дыхание, обжигал лицо. Сухие жесткие колючки цеплялись к платью, к ногам.

Ямы, канавы, бугры — Капа бежит, не останавливается.

Скорее! Надо успеть вызвать сейнер. На стрелку пришла рыба. Большая рыба!

Капа ушибла о камень колено. Закусила от боли губы. Но ждать нельзя. Растерла колено и снова в путь. Вначале шагом, прихрамывая, а потом опять бегом.

Сердце колотится в горячих ладонях. От степного жара звенит в ушах, пересохло во рту.

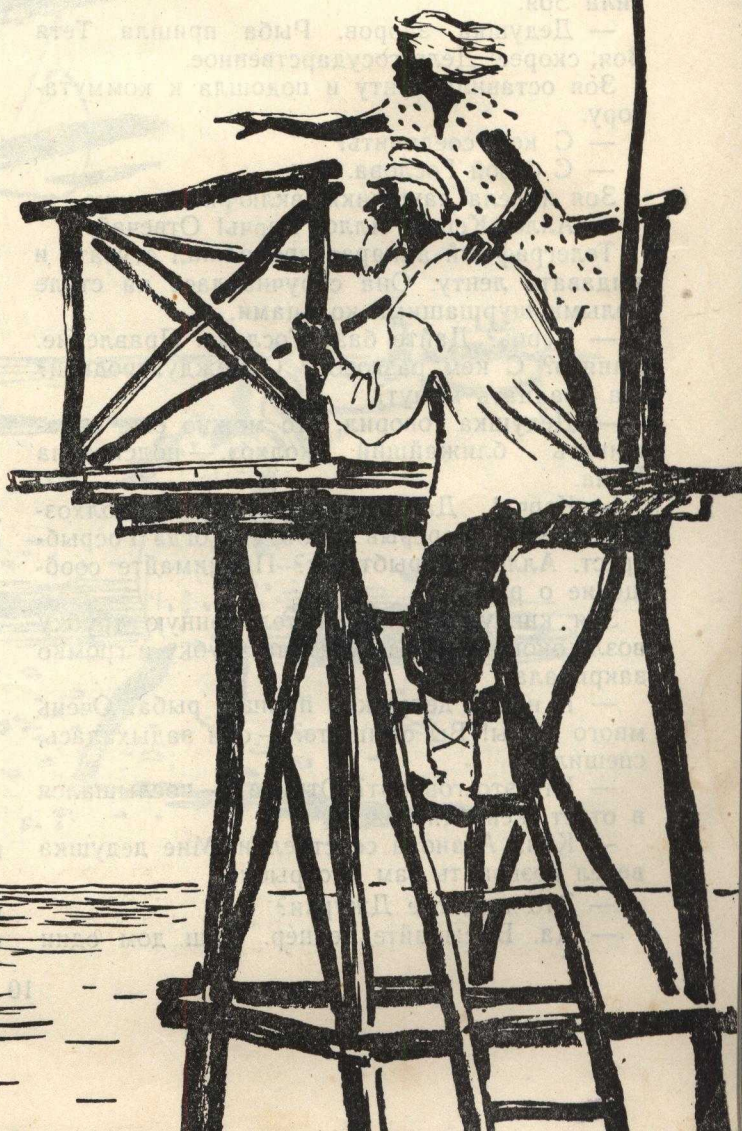
Вот бы повстречался Георгий с машиной или почталыон с велосипедом! Но нигде никого. Пусто.

Когда Капа добралась до Джурчей, она едва дышала. Ноги испараны, платье разорвано.

Ее несколько раз окликали.

— Некогда мне, — отвечала она всем. — После!

На почте было прохладно от побрызганных водой полов. Тихо постукивал телеграфный аппарат. Пахло штемпельной краской.

Телеграфистка Зоя читала ленту, которую отстукивал аппарат.

— Тетя Зоя! — кинулась к окошку Капа. — Мне надо позвонить в Керчь.

— погоди, освобожусь.

— Нельзя ждать.

— Дедушка заболел? — обеспокоенно спросила Зоя.

— Дедушка здоров. Рыба пришла. Тетя Зоя, скорее! Дело государственное.

Зоя оставила ленту и подошла к коммутатору.

— С кем соединить?

— С базой Гослова.

Зоя надела наушники, включила линию.

— Алло, Керчь! Алло, Керчь! Отвечайте.

Телеграфный аппарат продолжал стучать и выдавать ленту. Она скручивалась на столе белыми шуршащими кольцами.

— Керчь? Дайте базу Гослова. Правление. Занято? С кем разговор? С междугородней? На двадцать минут?

— Дедушка говорил, что можно еще спрашивать ближайший колхоз, — подсказала Капа.

— Керчь! Дайте контору рыбацко-колхоз-союза. Что? Перерыв на обед? Тогда Госрыбтрест. Алло! Госрыбтрест? Принимайте сообщение о рыбе.

Зоя кивнула Капе на телефонную трубку возле окошка. Капа схватила трубку и громко закричала:

— К нам с дедушкой пришла рыба! Очень много рыбы! Вы слышите? — она задыхалась, спешила.

— Кто это говорит? Откуда? — слышался в ответ женский голос.

— Капа Асанова со стрелки. Мне дедушка велел позвонить вам про рыбу.

— Это там, где Джурчи?

— Да. Высылайте сейнер. Наш дом один

на стрелке. И еще «Зяблик» на берегу. Против него рыба стоит.

— Кто на берегу?

— «Зяблик». Баркас.

— Спасибо, Капа Асанова. До свидания.

Когда Капа возвращалась из Джурчей, низко над морем пролетел маленький зеленый самолет.

Капа догадалась, что и Керчи послали промыслового разведчика определить, сколько рыбы и где она точно.

Самолет сделал круг над тем местом, где стояла рыба, потом еще один и вдруг, резко снизившись, полетел навстречу Капе.

Капа испугалась и замерла.

А самолет уже тронул колесами землю и катился по стрелке, вздымая хвостом густую пыль. Он выруливал прямо к девочке. Были видны фонарики на крыльях, растяжки креплений и даже как мелькают лопасти винта, вспыхивая на солнце. Летчик махнул рукой.

Капа не поверила, что это он ей машет.

Летчик выбрался на крыло, прыгнул на землю и еще раз махнул.

Тогда Капа побежала к нему. Она подумала — может, поломался самолет или еще что-нибудь случилось.

Летчик был в легком кожаном шлеме (очки подняты на лоб), в рубашке с подвернутыми рукавами, в брюках галифе и в брезентовых сапогах. На узком ремешке почти у самого колена висел планшет.

— Ты Капа Асанова? — громко спросил летчик, пересиливая треск мотора.

— Я, — тоже громко ответила Капа. — А вы откуда знаете?

— Поглядел сверху и догадался. Ты молчи, что о рыбе сообщила. Рыбы много. Скоро сейнер придет.

— Вы его вызовете?

— Уже вызвал по радио. А там что, твой «Зяблик» на берегу?

— Да.

— И белое на нем сохнет?

Капа удивилась.

— А разве белое сверху видно?

— И коза у дома бежит.

— Это не коза, а козел.

— Ну, козел. За ним кто-то с лопатой гоняется.

— А, это дедушка. И всё-всё так видно? — недоверчиво переспросила Капа. — Или вам кто-нибудь рассказал?

— Конечно, видно. Не веришь? Садись, покажу!

— Кто? Я? — растерялась Капа.

— Садись быстренько. Премия тебе за рыбу. Для того и посадку сделал.

И пилот помог Капе влезть в кабину сзади своего кресла. Потом влез сам. Положил на колени планшет, надел очки.

Капа впервые сидела в самолете. От неожиданного счастья трудно было дышать. Она напряглась и не шевелилась. Мотор набрал обороты, винт слился в солнечный обруч. Кусты песчанки совсем легли на землю, белым дымом взметнулись ракушки.

Самолет качнулся и двинулся по стрелке. Капа ухватилась за сидение. Оно напоминало

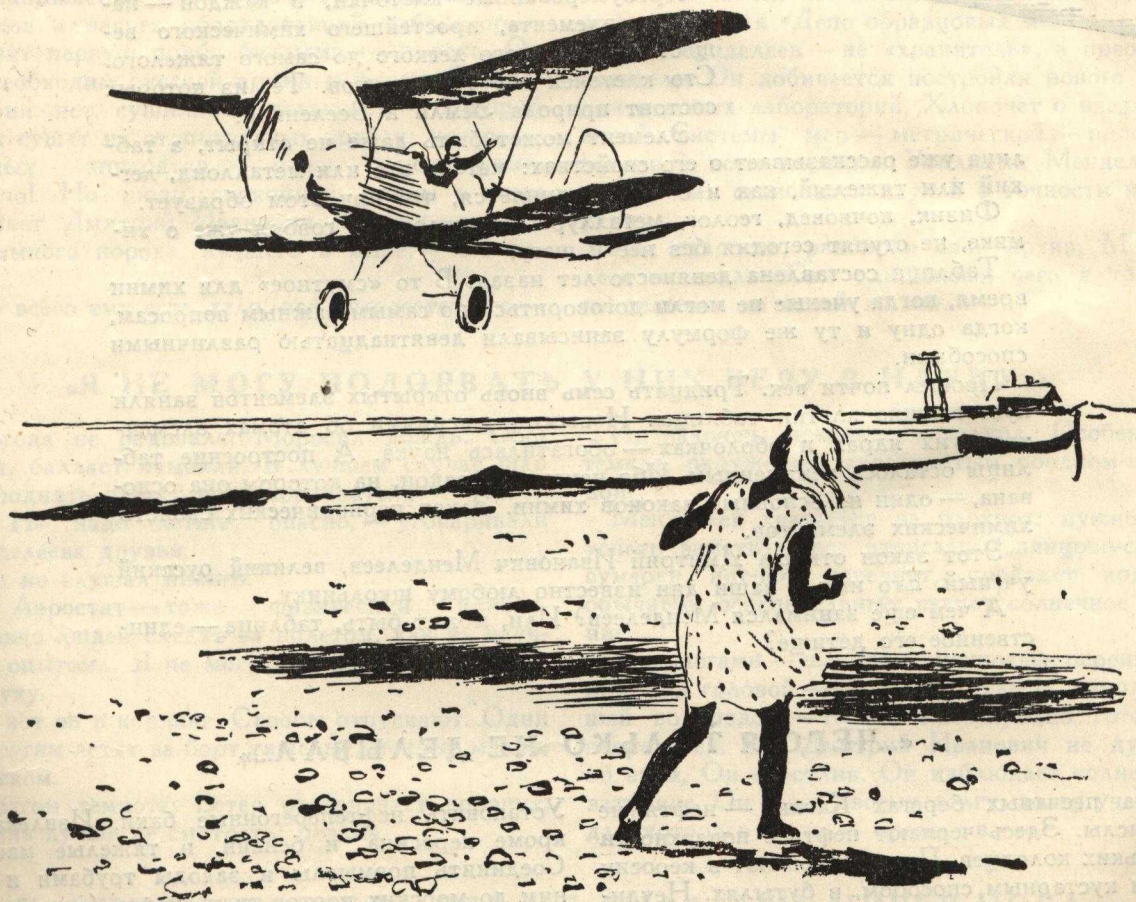
автомобильное: на таких же мягких пружинах.

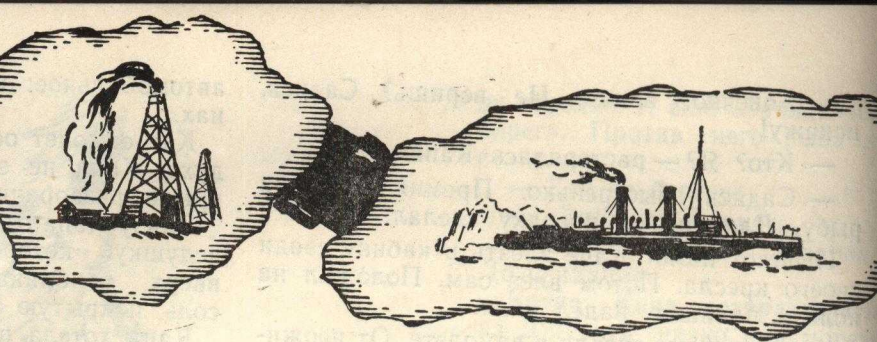
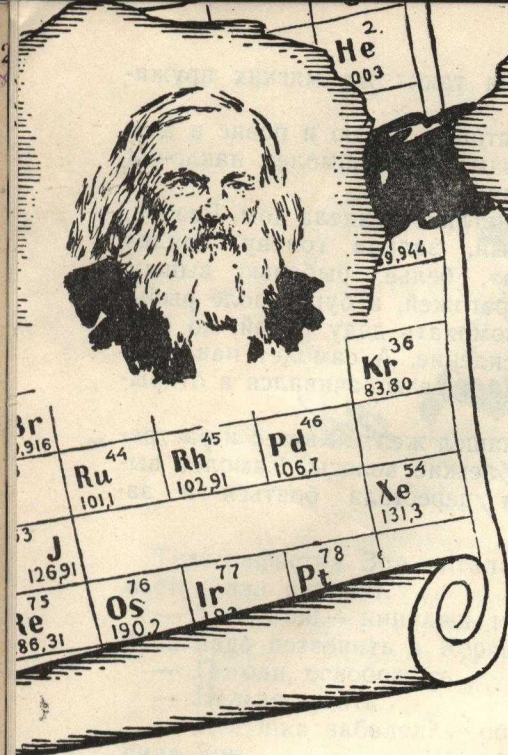
Как самолет оставил землю и повис в воздухе, Капа не заметила. Самолет наклонил крыло, разворачивался.

Внизу Капа отчетливо увидела дом, Разбоя, дедушку, который, задрав голову, глядел вверх, «Зяблика», белье, рыбацью вышку, соль, покрытую рогожей, и бурое поле рыбы.

Капа хотела помахать деду рукой, но боялась отпустить сидение. А самолет наклонил уже другое крыло и разворачивался в открытое море.

Капу и здесь нашел желтый ветер и растрепал ее длинные легкие волосы. Самолет выпрямился. Капа перестала бояться и засмеялась.

РАССКАЗЫ О МЕНДЕЛЕЕВЕ

Н. Владимирская

Рисунки А. Малкова

Пронумерованные клеточки, в каждой — название элемента, простейшего химического вещества. От самого легкого до самого тяжелого. Сто клеточек — сто элементов. Те, из которых состоит природа Земли и Вселенной.

Элемент может быть даже не открыт, а таблица уже рассказывает о его свойствах: металл это или металлоид, легкий или тяжелый, как и с чем соединяется, что при этом образует.

Физик, почвовед, геолог, металлург, физиолог, не говоря уже о химике, не ступят сегодня без нее и шагу.

Таблица составлена девяносто лет назад. В то «смутное» для химии время, когда ученые не могли договориться по самым важным вопросам, когда одну и ту же формулу записывали девятнадцатью различными способами.

Прошел почти век. Тридцать семь вновь открытых элементов заняли пустовавшие клетки таблицы. Новыми сведениями об атомах элементов — их ядрах и оболочках — обогатилась наука. А построение таблицы осталось неизменным. Ибо неизменен закон, на котором она основана, — один из основных законов химии. Закон периодических свойств химических элементов.

Этот закон открыл Дмитрий Иванович Менделеев, великий русский ученый. Его имя в наши дни известно любому школьнику.

А чем еще занимался Менделеев? Или, может быть, таблица — единственное его детище?

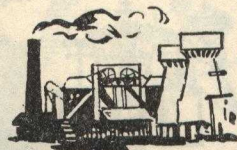
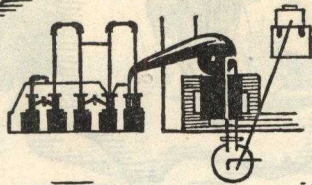
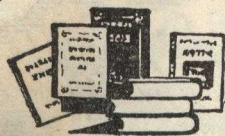
«...ЧЕГО Я ТОЛЬКО НЕ ДЕЛЫВАЛ...»

...На песчаных берегах Каспия — нефтяные промыслы. Здесь черпают нефть с поверхности маленьких колодцев. Перерабатывают в керосин самым кустарным способом, в бутылках. Неудивительно, что в царской России керосина мало и он дорог.

Менделеев осматривает промыслы. Он предлагает брать нефть из более глубоких слоев.

Установить нефтеперегонные баки. Извлекать, кроме керосина, и бензин, и тяжелые масла. Соединить промыслы и заводы трубами и по ним до морских портов гнать нефть (а не перевозить в бурдюках и бочках!).

...Урал, Сибирь, Донецкая область. Природа здесь богата полезными ископаемыми: «конца запасов не видно», а промышленность не

развита. Капиталистам нет дела до хозяйства страны, до завтрашнего ее дня: было бы побольше барышей сегодня...

А Менделеев составляет головокружительные планы: «Добывать железо и сталь в Сибири, цемент из своих природных камней, краски — из своей глауберовой соли». Разрабатывать уголь Донецкой области и перерабатывать его в горючие газы прямо под землей. Строить железные дороги. Реки соединять судоходными каналами.

...Напряженно, день и ночь трудятся шестеро химиков в наспех оборудованной лаборатории. Готовят первую пробу бездымного пороха. Он так необходим русской армии и флоту. В лаборатории нет сушильных установок — будущий порох сушат на отопительных трубах; нет резательных аппаратов — режут ножницами. Опасно! Но люди спокойны: рядом с ними работает Дмитрий Иванович. Рецепт русского бездымного пороха, лучшего в мире, — его рецепт...

До всего ему есть дело, все интересует его —

и свойства кристаллов, и плотность воздуха у самой земли и высоко в атмосфере, и законы погоды, и производство стекла, и способ изготовления соды!

Еще молодым ученым он увлекся сельским хозяйством. Целые дни проводил на опытном поле, пробовал вносить разные удобрения, следил за всходами. Ввел новшество — многопольную систему. И богатыми урожаями доказал: наука может и должна улучшать плодородие земли.

Уже на склоне лет он получил должность ученого хранителя «Депю образцовых мер и весов». И тут Менделеев — не «хранитель», а преобразователь. Он добивается постройки нового здания и новых лабораторий. Хлопочет о введении новой системы мер — метрической — простой, понятной всем народам. Усилиями Менделеева метрология становится наукой о точности измерения...

Под старость, разбирая свой архив, Менделеев записал: «Сам удивляюсь, чего я только не делывал на своей жизни...»

«Я НЕ МОГУ ПОДОРВАТЬ У НИХ ВЕРУ В НАУКУ...»

Погода не радовала. Моросил дождь. Оболочка, балласт намокли. В лучшем случае шар мог подняться одного воздухоплавателя.

— Не надо лететь, опасно, — уговаривали Менделеева друзья.

Он не слушал никого.

— Аэростат — тоже физический прибор. Столько людей следит за полетом, как за научным опытом... Я не могу подорвать у них веру в науку.

И вот он в корзине. Стропы отпускают. Один за другим летят за борт тяжелые, мокрые мешки с песком.

Кругом темнота. Ветер раскачивает корзину. Вниз лучше не смотреть: бездна...

И, наконец, показалось солнце. Особенное: темное, окруженное серебристым ободком короны.

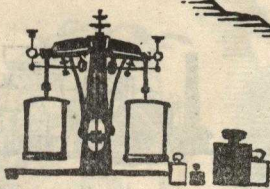
Менделеев хватается за блокнот: нужно все успеть заметить, все записать. Свинцово-серые сумерки вот-вот исчезнут, пропадет корона, обычным, ослепительным станет солнечное сияние...

Под ногами — шаткие камышовые переплетения, над головой — огромный пузырь, наполненный водородом — газом, ежесекундно готовым взорваться. Но Дмитрий Иванович не думает об этом. Он счастлив. Он наблюдает солнечное затмение. Он верен своему долгу, долгу ученого, для которого наука — прежде всего.

«ПРОНИКНУТЬ ТУДА, ГДЕ НЕ БЫЛА ЕЩЕ НИЧЬЯ НОГА...»

Капитан Можайский завел пружинку и поставил модель на стол. Пропеллер завертелся, лодочка с крыльями покатила по гладкой по-

верхности. Еще миг — и она в воздухе. Летит высоко, под потолком огромного зала, над головами зрителей.

— Что это, игрушка? Фокус? — переглядываются люди.

А Менделеев видит потомков этой модели — могучие скоростные воздушные корабли.

Пристально изучает он чертежи первого в мире самолета. Помогает советами изобретателю. Верит: машина будет построена! Полет игрушечной модели — это час рождения авиации.

...На заседании Географического общества адмирал Макаров читает лекцию: «К северному полюсу — напролом».

— Только ледокол, корабль с мощными двигателями и корпусом особой формы, способен взломать полярные льды и пробиться к полюсу.

«...ЧТОБЫ ВСЕМ СТАЛА ИЗВЕСТНА ПРАВДА ВМЕСТО ПРЕДРАССУДКА...»

У Менделеева гости. Тесным кружком сидят они за столом. Полутьма. Приглашенная музыка. Легкий стук о стол. Один, другой, третий.

Это — спиритический сеанс. Ими увлекаются многие петербуржцы. Неужели Менделеев, Дмитрий Иванович Менделеев тоже поверил в чертовщину? Поверил, что дух давно умершего человека может разговаривать с живыми, вызванный «волшебником» — медиумом?

Подпрыгивает стол, на листе бумаги появляются таинственные капли, непонятным образом исчезает носовой платок... Чудеса!

— Стучит не дух! — торжественно объявляет Менделеев. — Это медиум исподтишка нажимает на стол!

«КАКОЙ ТАМ ГЕНИЙ!...»

В молодости Менделеев любил бродить по горным склонам Альп.

«Усталый, стираешь пот, — писал он, — и вдруг между деревьями видишь снеговую вершину... Кажется, простая штука, а нет, так и охватывает всего что-то прекрасное, пропадает усталость. Не забудешь этой минуты, рад будешь десять верст лезть, чтобы еще раз испытать то же».

Современная техника позволяет построить корабль-богатырь. Нужны лишь средства...

Чиновники из морского министерства пожимают плечами. Ради каких-то научных задач истратить на ледокол миллион рублей! Казна недостаточно богата для этого!

А Менделеев убежден: нужно строить. И борется: пишет докладные записки, ездит к министру, спорит, убеждает, требует. И побеждает: Макаров получает разрешение и деньги на постройку ледокола...

«Лед, запирающий Петербург, вы победили, поздравляю, — пишет Макарову Менделеев после успешных испытаний ледокола «Ермак». — Жду такого же успеха в полярных льдах».

Загадочные капли на бумаге? Что ж, посмотрим. Менделеев уносит листок в лабораторию и тут же возвращается. Никакой загадки: обыкновенная слюна. Общеизвестно, что содержащиеся в ней вещества краснеют от действия раствора солей окиси железа. И вот вам капли на листе уже красные.

А куда делся платок?

Друг Менделеева физик Краевич входит из соседней комнаты — он незаметно наблюдал оттуда за сеансом — и усмехается: пропажа платка — тоже дело ловких рук медиума!

Шарлатаны посрамлены. Комиссия, созданная Менделеевым, неопровержимо доказала: «Спиритическое учение есть суеверие».

Наука — та же сверкающая вершина для Менделеева; он «готов десять верст лезть», чтобы еще раз пережить радость нового открытия, новой научной победы.

Для опытов требовались термометры — он сам паял их. Реактивы загрязнены примесями — собственноручно очищал их. Возникло подозрение, что атомные веса определены не совсем точно, — пересчитывал их снова и снова.

Для исследования Арктики нужен ледокол — Менделеев разрабатывает его конструкцию; для изучения стратосферы необходим аэростат с герметической кабиной — Менделеев предлагает его чертежи.

Рассказывают, что порядок элементов периодической системы Менделееву во сне, и, проснувшись, ученый лишь записал его.

Если бы открытия и вправду доставались так просто!

Не год, не два напряженно размышлял Менделеев над неуловимой системой. Ночами про-

сиживал над карточками, на которых были написаны названия и свойства веществ. В несчитанный раз перекладывал карточки по-новому. Всматриваясь в сочетания, пытаясь уловить их скрытый смысл.

Немудрено, что эти сочетания являлись ему в тревожных снах!

...Однажды во время чествования Менделеева назвали гением.

— Какой там гений! — замахал руками Дмитрий Иванович. — Трудился всю жизнь, вот и гений...

«ФОНАРЬ ЗНАНИЯ»

На лекциях он говорил так образно и увлекательно, что, по свидетельству его учеников, «нервный холодок» пробегал по спине от сознания мощи человеческого разума.

«Природа раскрыта перед вами, как чудесная книга. У кого на глазах нет шор, тот видит все еще скрытые силы природы, использование которых создает светлое будущее нашего великого отечества».

«...Если вы фонарь знания внесете в Россию, вы сделаете в самом деле то, чего от вас ожидает Россия».

Аудиторию наполнили полицейские: власти опасались студенческой демонстрации. Менделеев прервал речь на полуслове, махнул рукой, сошел с кафедры и заплакал.

Это было последнее его выступление в Университете. Патриота, человека смелых и независимых взглядов вынудили уйти...

Заслуг Менделеева не признавало царское правительство. Замечательного русского ученого даже не избрали академиком. Его стремление

развить науку на пользу народу было неужодно тем, кто боялся народа и потому желал оставить его в невежестве.

Открытый Менделеевым бездымный порох попал за границу; в Америке, а не на родине, началось его производство, и обратно в Россию русский порох вернулся уже как американский.

Призыв ученого строить нефтепроводы, газопроводы, дороги, шахты, заводы, развивать промышленность на научной основе остался неуслышанным.

Иначе и быть не могло в стране, где шахты, заводы, залежи нефти и угля принадлежали горстке богачей.

Только в наше время советский народ осуществляет планы, о которых мечтал Менделеев. И любимая им наука стала наукой для народа. И химия — «большая химия» — дает народу множество «повсюдных» веществ.

«Фонарь знания», завещанный Дмитрием Ивановичем Менделеевым, приняли как эстафету советские люди.

Кто МОЯ МАМА

А. Ботовщикова

Рисунки Н. Носкович

ДРУГОГО ВЫХОДА НЕТ

Галю разбудил громкий возбужденный разговор за стеной.

— Тряпки, цветы, стекляшки! — гремел голос Павла Федотовича. — Да пусть оно все провалится! Наплевать на это, понимаешь? Начхать, да и все!

Что-то проговорила Калерия Дмитриевна.

— Да понимаю я, что не в этом одном твои интересы! Все-все знаю... Если бы не эта внезапная командировка! А так все одно к одному... Но не выдумывай, что она плохо воспитана. Привела детей, так это как раз не доказывает... Ох, несладко!

Все затихло. Немного погодя раздались шаги под дверью Галиной комнаты. Заботливо приглушенный голос спросил:

— Спишь, девочка?

Щелкнул выключатель. Галя зажмурила глаза от яркого света.

— Ты за столом? — изумленно воскликнул дядя Паша. — А тетя Каля сказала: ты спишь. А бледная! Галя, ты сегодня обедала?

Галя слабо мотнула головой.

— Боже мой! — пробормотал он. — Идем, покушаем! Я с голоду пропадаю.

Придерживая за плечи, он отвел ее в кухню, посадил за стол.

— Может, тут в виду чрезвычайных событий и есть нечего? Ага! Суп и котлеты в духовке...

— Я не хочу есть, — чуть слышно промолвила Галя. — Я... позвала ребят... Витька разбил вазу с лилиями.

— Ну и шут с ними — и с лилиями, и с вазой!

— Тете Кале не шут с ними, — так же тихо, безжизненным голосом сказала Галя.

Он крикнул:

— Чуть не обжегся! Тут с вами, пожалуй, спички зажигать разучишься!

— Юрка маленький поранил щеку о Витькин конек, поэтому я и позвала их... — Галя закрыла лицо руками и горько заплакала.

На пустой сковородке шипело, пригорая, масло. Павел Федотович сидел у стола, держа Галю на коленях.

— Не плачь, маленькая моя дурочка! Не рви мне сердце! — Он помолчал. — Галя!.. Ведь я уезжаю.

— Уезжаешь? Ты? — она еще не понимала вполне, но внутри у нее стало как-то пусто.

— В командировку посылают, Галенька! — Он привстал, шагнул к плитке, держа Галю под мышкой, повернул рукоятку газовой горелки под сковородкой и снова сел. — Далеко посылают. Да и надолго. Может, на год, может, на два.

— А тетя Каля едет с тобой?

— Нет, не едет. Никто со мной не едет. Один еду. Так-то.

Галя молчала. Зачем, куда он едет, она не спрашивала — она уже знала от него, что военным таких вопросов не задают.

— Я буду тебе писать, — сказал Павел Федотович. — И ты мне обязана отвечать, слышишь?

— Я не умею писать письма. Я никогда не писала!

— Да ну? Так-таки ни одного письма? — Он по-детски удивился.

— Конечно, — серьезно ответила Галя. —

Окончание. См. «Костер» №№ 7, 8, 1959 г.

Кому же мне писать? У меня ведь никого-никого нет.

— А вот мне и будешь писать! — он прокашлялся. — Галенька! Еще хочу тебе сказать... Понимаешь, я когда ехал домой с вестью о командировке, думал: вот уеду, — Кале будет не так одиноко с тобой. И вы вдвоем даже крепче сживетесь. А тетя Каля... говорит, что ей... это самое... трудно будет без меня... И что...

Прямо глядя ему в лицо, Галя перебила: — А меня примут обратно в детский дом?

Он был удивлен и тронут ее догадливостью и благодарен ей за то, что уже не надо было говорить того, что сказать было так тяжело и трудно.

— А примут меня обратно? — повторила Галя. — Ты попроси Марию Лукьяновну. А то куда же я денусь?

И тут Павел Федотович сделал такое, за что ему от любой воспитательницы попало бы: он вдруг заморгал и высморкался в подол Галиного платья.

— Пусть попробует тебя кто-нибудь не принять! — проворчал он глухо.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ни о разбитой вазе, ни о погубленных лилиях, ни о других бесчинствах Галиных гостей между Калерией Дмитриевной и Галей не было сказано ни слова.

Вечером накормленная дядей Пашей Галя сразу легла спать, а когда наутро она вышла в столовую, там и следа не осталось от вчерашнего разгрома: пол блестел, на диван была наброшена свежая декоративная ткань.

Тетя Каля поздоровалась с Галей спокойно, с приветливой и прохладной вежливостью. Слова извинения застряли у Гали в горле. Калерия Дмитриевна озабоченно заговорила о том, что надо съездить в магазины, купить всякие дорожные мелочи для Павла Федотовича, и момент для извинения был окончательно упущен.

Через открытую дверь Галя увидела в спальне два открытых чемодана, большой и поменьше.

«Для дяди Паши, — подумала Галя. — Уже собирают его».

Красивая квартира показалась ей совсем чужой.

Пока Павел Федотович ездил на службу — в этот день ненадолго — и еще по каким-то делам, Галя читала в своей комнате. После обеда, необычно раннего, приготовленного наспех, тетя Каля сейчас же уехала, сказав «до свидания» мужу и Гале.

Посидев немного, Павел Федотович поднялся, сказал бодро:

— Ну, девочка, позвоню на автостанцию. Поедем и мы!

Галя поняла, что больше не увидит тетю Калю, и заволновалась:

— Ты скажи ей от меня «до свиданья»! Скажешь, дядя Паша? И что я прошу прощения за лилии. И за вазу.

— Будет исполнено! — Он сам обмотал ей шею шарфом, поправил шапочку, вытащил зажатую воротничком косичку.

Опять Галя ехала в такси. И совершила тот же путь, только в обратном направлении.

Но на этот раз дядя Паша не объяснял, где они едут. Молча, о чем-то сосредоточенно думая, он посматривал на Галю с растерянной нежностью, и чем дальше они ехали, тем все больше мрачнело его доброе широкое лицо с седыми бровями. Галя сидела рядом, крепко вцепившись пальцами в рукав его шинели.

Когда такси остановилось у ворот детского дома, дядя Паша сказал:

— Постой! погоди! — Он притянул к себе Галю и крепко расцеловал ее в обе щеки. — Слушай, Галка! Ты все равно моя родная племянница, поняла? Я пришлю свой адрес, по какому мне писать. И если не станешь отвечать, пощады не жди! А вернусь — нагряну к тебе в гости! Ну, будь здорова, маленькая!

— Ты сразу напиши! — прижимаясь лицом к немножко колючему подбородку, сказала Галя.

Она проворно пошла к воротам.

— Фитюлька, подожди! А чемодан?

Шофер достал чемодан из багажника и поставил его на тротуар.

Галя обернулась.

— А зачем он мне?

— Как? Там твои платья, белье...

— Ведь у нас в детском доме все есть!

— Еще книги твои.

— А, книги — это хорошо!

В вестибюль к ним сразу вышла Мария Лукьяновна.

— Здравствуй, Галочка!

Она ни о чем не спрашивала, и Галя поняла: неизвестно когда дядя Паша обо всем ей рассказал.

Еще раз Павел Федотович поцеловал Галю, и застекленная тяжелая дверь захлопнулась за ним.

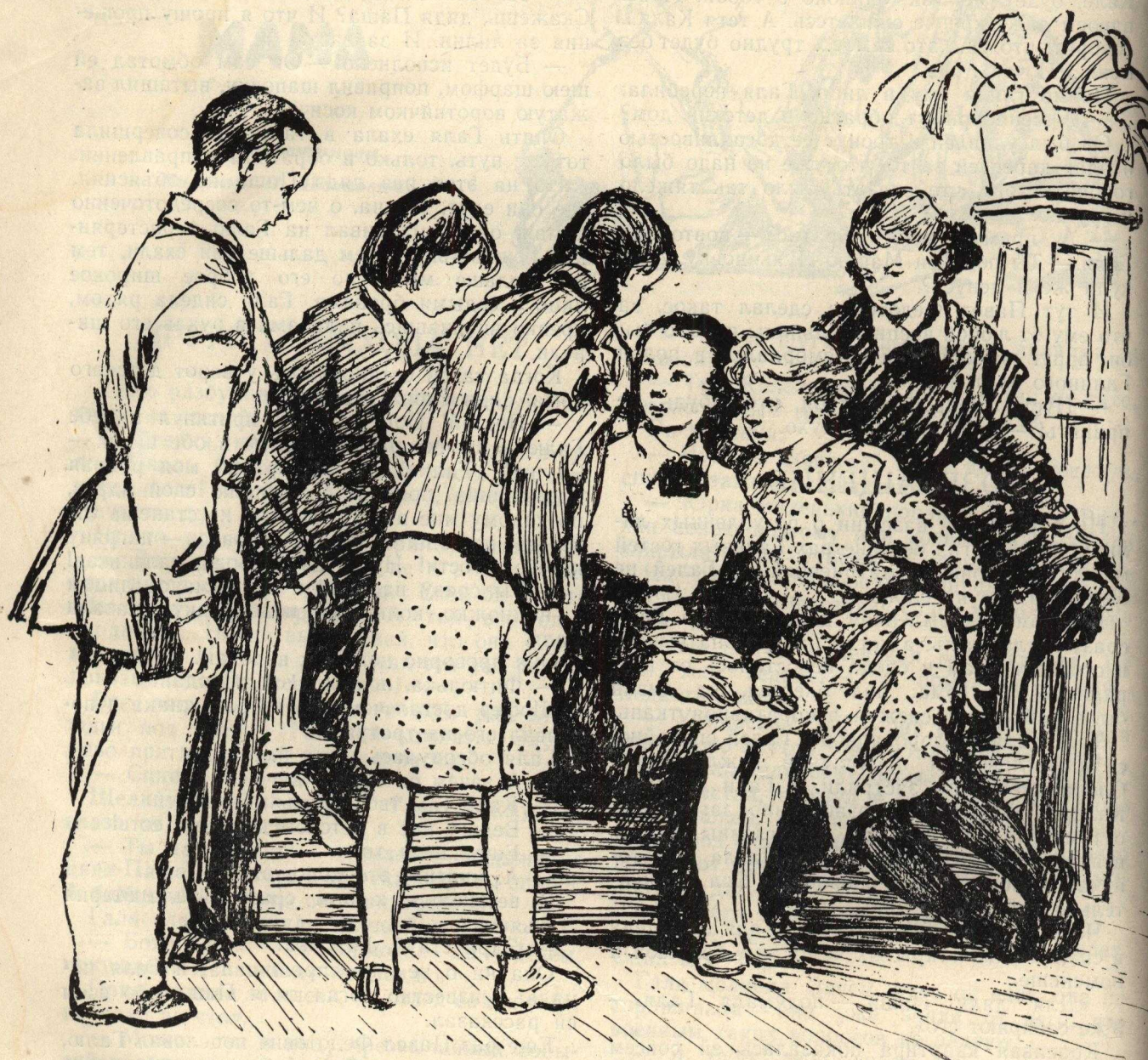
На момент ей показалось, что жизнь у Поликеевых, та, другая школа, Тоня Серпуховская — ой! Она с ней не простилась, какой ужас! — все было сном. Будто никуда она из детского дома не уезжала. Такое все вокруг

привычное, свое: по обе стороны вестибюля — коридор, открытая дверь в кабинет директора, лестница, тишина в обоих этажах: сейчас время приготовления уроков. А ей, Гале, и уроки не заданы... Странно!

яновна и Галя поднялись всего на несколько ступенек, а им навстречу со всех ног бежали девочки из Галиной группы:

— Галя! Наконец-то!

— Галочка, здравствуй! Как ты живешь?

Какой-то мальчуган лет девяти, стуча каблучками, сбежал вниз по лестнице. Кто это, Галя не успела сообразить: спотыкаясь от торопливости, мальчик ринулся обратно наверх.

Как он успел так быстро сообщить о Галином появлении, непонятно. Но Мария Лук-

— И не стыдно было так долго не приходить?

Ее стремительно обнимало сразу много рук. Кто-то целовал в щеку, кто-то прижался к плечу. Вон Света Корнева — значит, еще не вернулись с зимовки ее родители, вон

Люба Попова, и Жанна, и Таня... Все говорят разом:

— Не толкайтесь, девочки! Я тоже хочу к Гале!

— Да не отпихивай ты меня, Ленка! Вечно тебе больше всех надо!

— Давайте посадим ее куда-нибудь, и пусть рассказывает!

Гурьбой девочки отвели Галя на диван в верхнем коридоре. Уселись вплотную, держа Галя за руки, обступили со всех сторон.

— За то, что ты так совсем не приходила, мы тебя до самого спанья не отпустим! — весело пригрозила Света.

— А я и не уйду никуда! — нахмутив брови, сказала Галя. — Я совсем приехала.

Сразу стало очень тихо. Но неловкое изумленное молчание длилось не больше полминуты.

— Почему совсем? Как так совсем?

— Он уезжает, дядя Паша! Далеко и надолго...

— На войну, да? — у Саши Прохорова загорелись глаза. — Он ведь военный, этот твой, который тебя усыновлял.

— И не усыновлял, во-первых, а на опеку, — терпеливо объяснила Галя. — Он мой дядя. И не на войну, а просто в военную командировку.

— Да сейчас и нет войны! Скажешь тоже! — Жанна толкнула Сашу, тот свалился с валика дивана. Ребята засмеялись.

— А у него ведь жена есть. Она тоже в командировку уезжает? — спросила Таня Верхова.

— Нет... А Валерка где?

— Да, наверно, голубей побежал кормить. Он же теперь голубятник!

— Как любит их, знаешь!

— А нам комсомольцы с завода подарили три пары новых голубей!

— Сизых две. И коричневых. А вчера учительница заболела, новая пришла, молодая. Нам книжку читала.

Наперебой Гале стали рассказывать о последних новостях: к новому году разучивают танцы и песни, Игоря Медникова забрала к себе тетка насовсем, поступили три новых мальчика и одна девочка, сбор одного отряда был прямо на заводе, в Красном уголке, их группа ходила на экскурсию в Зоологический музей... Нет, Гали здесь долго не было: сколько всего случилось!

— Галя, ты что же не идешь ко мне здороваться?

Галя вскочила с дивана.

— Здравствуйте, Софья Павловна.

Воспитательница обняла ее:

— А ты поправилась. Хорошо выглядишь. Ну, мы все очень рады, что ты опять с нами. А вы все отправляйтесь уроки учить. Только начали и выскочили...

В групповой Галя увидела, наконец, Валерку. Она сгребла его в охапку. Ее поцелуй пришелся ему куда-то за ухом. Валерка хихикал сконфуженно, отворачивался, ежился.

Приготовив уроки, он сразу убежал куда-то. К сидевшей возле Софьи Павловны Гале и не подошел, даже не взглянул в ее сторону.

«Отвык», — подумала Галя, и ей стало грустно.

А на другой день в школе, в своем прежнем классе, Галя встретилась с Зиной Черенковой.

Изумленная Зина ликовала, хлопала в ладоши, как маленькая.

— Какой случай замечательный, что ты вернулась! — восхищалась она. — Я так без тебя скучала, без конца, без конца думала, неужели я тебя больше никогда в жизни не увижу? И вот ты опять здесь! Знаешь, про тебя и Котька наш спрашивал: «А где это девочка, что играть умеет?» Точно я не умею играть, ну, не дурак ли? Ты к нам придешь непременно, обязательно, слышишь?

Гале стало совестно: Зина так радуется, говорит, скучала очень, а сама она вспомнила ли о ней хорошенько хоть два раза? Кажется, нет...

КТО МОЯ МАМА?

Мария Лукьяновна тревогой присматривалась к Гале Макушевой. Прежде живая, веселая, общительная девочка стала замкнутой, сдержанной. Временами она пристально, настороженно, с недетской серьезностью и как-то отчужденно вглядывалась в лица воспитательниц и ребят. Случалось, ее заставляли забившейся куда-нибудь в укромный уголок. Она сидела неподвижно, с выражением тоски на лице. Иногда ее приходилось окликать по несколько раз.

Однажды Софья Павловна пожаловалась директору на Галину грубость.

— Галя грубит? — Мария Лукьяновна поморщилась, как от боли. — Это так на нее непохоже.

— Конечно, непохоже, — согласилась Софья Павловна. — Бросила пальто на окне в гардеробной. Я ей говорю: «Что же ты раскидала? Прибери!» А она мне: «А не все равно, где что лежит?» Резко так.

Мария Лукьяновна вздохнула.

— Пришлите ко мне Галю после ужина, — попросила она.

Покорно сложив на коленях руки, Галя с безразличным видом сидела на диване в кабинете Марии Лукьяновны.

— Ну, Галочка, как ты поживаешь?

— Хорошо.

— А по-моему, не совсем... — Мария Лукьяновна мимоходом, будто невзначай, прикрыла дверь в коридор и присела на диван возле Гали. — Вчера к нам приходила Мария Евдокимовна из завкома. Стала с ребятами беседовать, хотела с тобой поговорить, а ты повернулась и ушла. Ни за что обидела хорошую женщину. Она так любит детей...

Недоверчивая улыбка скользнула по Галиным губам.

— Я вижу, что ты не веришь... А ведь ты ее не знаешь! Люди бывают такие разные... — Мария Лукьяновна осеклась: девочка ее не слушала.

С внезапно запыхавшимися щеками Галя перевела дыхание.

— Я хотела вас спросить... — произнесла она запинаясь. — Хотела попросить... узнайте как-нибудь! Пожалуйста!

— Что узнать? Ты не волнуйся, говори спокойно!

— Кто моя мама? — в смятении вырвалось у Гали. — Кто? Ведь была же она! Дети без мам не рождаются.

— Галочка! Послушай!

— Вдруг она живет где-нибудь? У многих наших ребят есть мамы. И моя вдруг есть... где-нибудь? Как вы думаете, кто она? — Галя зарыдала.

Мария Лукьяновна обняла Галю, прижала к себе.

— Девочка моя! Я не знаю... Неужели бы я тебе не сказала! Тебя маленькую нашли... Галя оттолкнула обнимавшие ее руки.

— Кто она? Кто? Как же она... могла меня бросить?

— А почему, — тихо сказала Мария Лукьяновна, — ты непременно считаешь, что это она тебя бросила, твоя мама? Может быть, ее в живых не было, когда ты оказалась... брошенной. Не смей думать о матери плохо, когда ты не знаешь! А я так уверена, — голос ее зазвучал твердо, убежденно, — что она была хорошая. Слышишь? Уверена! И сколько людей хороших на свете, гораздо больше, чем плохих! Разве твой дядя Павел плохой?

— Хороший! — пробормотала Галя.

— И он бы ни за что с тобой не расстался, если б не уезжал!

Галя опять заплакала, но совсем по-другому — тоненько, жалобно.

— Ой! Голова болит...

— Побледнела как... Ляг скорей!

Встревоженная Мария Лукьяновна уложила Галю на диван, пощупала ей лоб:

— Да ты горячая, как печка!

Она выглянула в коридор и первому попавшемуся воспитаннику приказала позвать медсестру.

Галя лежала на койке в больничной палате. Горячий туман окутывал ее, давил на голову, мешал дышать.

Над ней наклонялись какие-то тетеньки в белых халатах. Пришел дядя Паша, тоже в белом халате и в белой шапочке.

— Ты разве не уехал? — Гале казалось, что она крикнула очень громко.

— Что ты там шепчешь, а? — лицо дяди Паши приблизилось к ней и вдруг стало чужим, только глаза оставались его — светлые и добрые-предобрые.

Потом острая боль в ноге заставила ее вскрикнуть.

Чей-то голос уговаривал:

— Ничего, деточка, потерпи! Вот сделали укол — жар спадет...

Никто не замечал, что белые лилии, как змеи, ползут ей на грудь, лезут в лицо. Гале приходилось самой отталкивать их двумя руками.

— Да прогоните же их!

Плача от ужаса, она катилась с высокой горы в пропасть, а лилии скользили за ней. «Да как же ты смела, дрянная девчонка?..»

Сколько так продолжалось, Галя не знала. Однажды утром она открыла глаза и увидела окно. Оно было большое, светлое. Ясные стекла прозрачно сверкали в переплетях белых рам. За окном светило солнце и росло дерево. На ветках, искрясь, лежал снег.

Палата, вся белая, залитая светом, была уставлена кроватями. На одной из них лежала девочка с огненно-рыжими волосами и смотрела на Галю. И на других кроватях лежали или сидели какие-то дети.

У Гали ничего не болело, но, посмотрев вокруг, она вдруг очень устала. Закрыла глаза и заснула. И ей ничего не снилось.

ВСТРЕЧА

— Почему ты ничего не ешь? Температура спала. Теперь должна кушать! А то и не поправишься. Смотри, руки как спички стали...

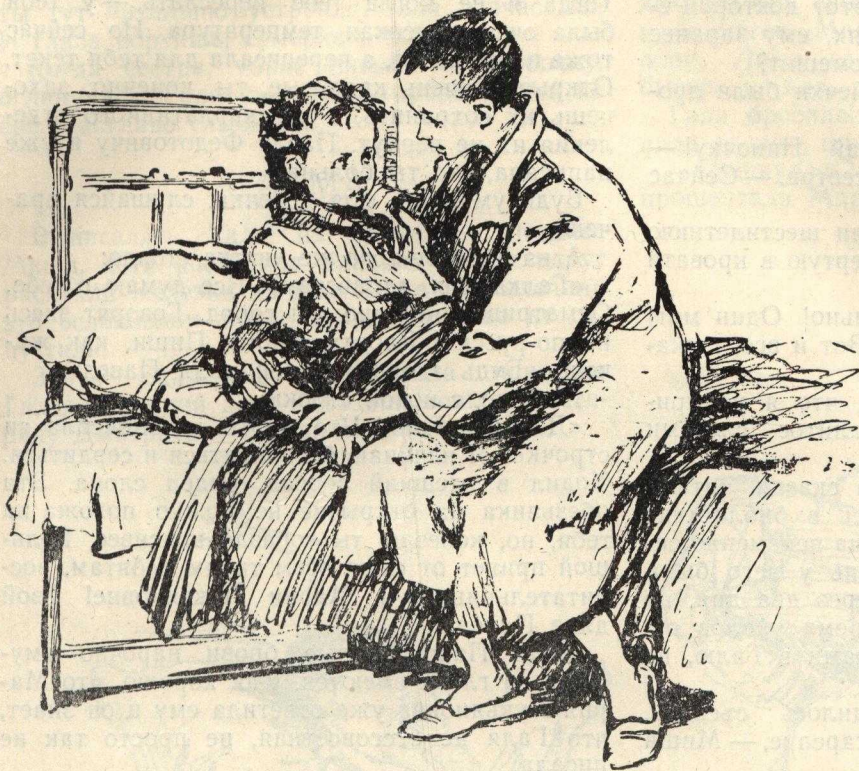
Медицинская сестра садилась на табуретку возле кровати и сама протягивала к ее губам ложку с супом.

Из вежливости Галя съедала две-три ложечки. Потом отворачивалась:

— Не хочу!

Если сестра или няня настаивали, Галя начинала беззвучно плакать. Из-под плотно закрытых век катились на подушку слезы.

— Просто беда какая-то! — сестра со вздохом отходила от кровати. — Ну, что ты с ней станешь делать?

А Галя повертывалась лицом к стене. Она ничего не хотела: ни есть, ни разговаривать, ни смотреть ни на кого.

Сестра остригла ее машинкой. От этого голове было легко, прохладно и приятно. На кого она похожа теперь? На мальчика? Но думать тоже не хотелось...

Ребята все учатся — ну и пусть... И в школу не хотелось. Тоня Серпуховская где-то далеко-далеко осталась... Дядя Паша еще дальше. Может быть, и забыл ее уже? Нет, помнит, конечно. Но помнит так ужасно далеко, неизвестно где... Про маму даже Мария Лукьяновна не может узнать. Мамы не было, нет и не будет никогда.

Галя начинала плакать, бессильно и неслышно. Она много спала, а то лежала просто

так, с закрытыми глазами, тихо-тихо, делая вид, что спит. Лишь бы ее не трогали.

Как-то днем до нее донеслось сквозь дремучье-то хныканье и басовитый голос няньки:

— Вот я тебя, сынок, укрою! Тепленько будет, хорошо...

Галя открыла глаза. На пустую кровать справа от нее толстая няня укладывала нового больного. Это был мальчик лет трех с половиной. Едва няня отошла, он сейчас же сел, жалобно хныча.

Все лицо у него было красное, в scarlatinной сыпи, белым треугольником резко выделялись нос и подбородок, черными пятнами — круглые глаза. Он испуганно тарасил их по сторонам.

Неужели?! Сердце у Гали заколотилось. Она оперлась на локоть, вся подавалась вперед... Чудо какое!

— Мишенька! — изумленно окликнула Галя слабым голосом.

Мальчик повернул голову.

Сделав усилие, Галя села и спустила ноги с кровати. Ее немножко шатало.

— Ты не узнаешь меня? Мишук! Маленький мой! Ведь это же я, твоя мама Галя!

— Мама Галя в детском доме живет, — хрипло произнес мальчик. Он помолчал. — У мамы Гали волоса. Вот!

— Волоса? — как эхо, повторила Галя. — Ах да, я же стриженная!

Она улыбнулась. Два колеблющихся шага — и вот она сидит на Мишиной кровати, обхватив его двумя руками. От радости Галя то-ненько смеется. Она счастлива!

— Это что за обнимки такие? — Толстая няня спешила к ним. — Ишь ты! Пластом лежала, ложку каши не заставишь проглотить, а тут — на тебе! Марш на свою кровать!

— Да она же его мама Галя! — вступилась рыжая девочка.

Прижимая к себе Мишу, Галя оглянулась на нее с благодарностью. Как же она ее прежде не замечала?

— Родные, что ли? — спросила няня.

— Нянечка! Это наш Мишенька! Он в нашем детском доме жил! — радостно объяснила Галя.

— Повстречались, значит? — одобрила нянька. — Экая вам благодать! А на постель свою, все одно, отправляйся! Обход сейчас будет.

РАДОСТЬ

Врач, высокий, широкоплечий, светлоглазый человек, весело подмигнул Гале:

— Что, свечечка, поправляешься? А ты как, морковная рожица? — Он пощекотал Мишу под подбородком. — Глаза-то зачем в ваксу окунул?

Каким шутником оказался этот доктор! Ребята, сидя на своих кроватях, ему заранее в рот смотрели: чем он их рассмежит?

И другие врачи, сестры, нянечки были просто замечательные люди.

— Иди, помощница, утешай Ниночку! — подзывала Галя дежурная сестра. — Сейчас ей уколчик будет.

Галя придерживала за плечи шестилетнюю белокурую Ниночку, распростертую в кровати на животе, и приговаривала:

— И не больно! И не больно! Один миг! А зато поправишься быстро! Вот и все, пожалуйста!

— Сказку расскажи за то, что я не кричала! — повернув к Гале залитое слезами лицо, требовала Ниночка.

Галя подолгу рассказывала сказки, читала вслух книги, которые нашлись в библиотеке scarlatinного отделения. Миша неизменно сидел у нее на коленях. Болезнь у него была легкая, температура спала через два дня, но капризничал он много. Во время уколов отчаянно орал, вцепившись руками в Галя, не хотел есть.

Теперь Гале все приходилось съедать. Оставь-ка хоть кусочек на тарелке, — Миша закричит:

— А сама? А сама? Мне велишь! Какая!

— Ох, мама Галя, избалуешь ты молодца окончательно! — укоряли ее сестры.

Толстая няня, тетя Стеша, положила на табуретку у Галиной кровати большущий пакет:

— Ну, пляши, мама Галя! Корреспонденции тебе целая куча. А это передача. Заряд к письмам приложена.

Галя с недоумением переводила глаза с пакета на сложенные записки. Что это? Откуда?

Она разорвала плотную оберточную бумагу. Апельсины! Как много! На всю палату хватит. Печенье в пачках. Мармелад.

Галя живо раздала апельсины и развернула записки.

Все внутри у нее затрепетало. Да неужели это ей одной столько написано?

«Дорогая Галя! Мы знаем, что тебе лучше, что скоро ты совсем поправишься, и очень радуемся!»

Кто это пишет? «Мария Лукьяновна». Милая, хорошая Мария Лукьяновна!

«Тебе пришли две открытки от Павла Федотовича...»

На момент буквы запрыгали. Галя впиалась глазами в строчки.

«Одна еще прежде, а другая сегодня утром. Тогда я не могла тебе переслать, — у тебя была очень высокая температура. Но сейчас тоже не посылаю, а переписала для тебя текст. Открытки очень красивые, ты, конечно, захочешь их сохранить, а из scarlatinного отделения их не вернут. Павлу Федотовичу я уже написала, что ты больна.

Будь умницей, моя девочка, слушайся врачей».

А на обороте того же листка стояло:

«Галка моя, здравствуй! Все думаю о тебе. Осматривал незнакомый город. Говорят здесь не по-русски. Работы много. Пиши, как живешь. Будь здорова! Твой дядя Павел».

И ниже, с новой строки:

«Дорогая Галя! Что же ты не написала ни строчки? Я начинаю беспокоиться и сердиться. Ходил в здешний зоосад, видел слона. Эта обезьянка на открытке немножко похожа на тебя, но, конечно, ты гораздо красивее. Большой привет от меня всем твоим ребятам, воспитательницам и Марии Лукьяновне! Твой дядя Павел».

Дядя Паша! Седые брови нарочно хмурятся, а глаза смеются. Как хорошо, что Мария Лукьяновна уже ответила ему и он знает, что Галя не бессовестная, не просто так не писала.

Хорошо, что существует тихий час. Впервые с тех пор, как появился в палате Миша, Галя была так рада тихому часу.

Лежа и стараясь не шуршать, она под сонное дыханье спящих детей читала драгоценные бумажки.

Коротенькие записки от девочек. Света, Люба, Сима пишут: «Поправляйся скорей! Мы без тебя скучаем».

А вот записка подлиннее:

«Милая Галочка! Я пишу у вас внизу на диване. Мама ждет. Она не отпустила меня одну — очень далеко, и боялась, что я сама не найду. Как я тебя разыскала, это целая история. У лифтерши я узнала, что ты вернулась в детский дом, потому что твой дядя Паша уехал...»

Да кто же это пишет? Недоумевающая Галя заглянула в конец листочка и чуть не ахнула на всю палату. Тоня! Тоня Серпуховская! Чудеса!

«Потом в канцелярии нашей школы мне сказали, где твой детский дом, и мы с мамой поехали, а ты в больнице. Галочка, поправляйся и приезжай ко мне! Тоня Серпуховская».

А глупые мальчишки ее «Гусыней» называли!

Вошла сестра и сказала шепотом:

— Думаешь, я не вижу через стекло, что ты тут читальню устроила? Спи сейчас же. И глаза портишь, сумерки в комнате.

Когда сестра, убрав письма в тумбочку, оглянулась, Галя уже спала, продолжая и во сне счастливо улыбаться.

ДОМА

Выписалась Галя из больницы позднее Миши, хотя поступила раньше. У нее вдруг распухли железки на шее. Пока не вылечили это осложнение после скарлатины, ее не отпустили.

Завуч Екатерина Дмитриевна привезла Галю в детский дом. Едва они вошли, Екатерину Дмитриевну позвал зачем-то завхоз.

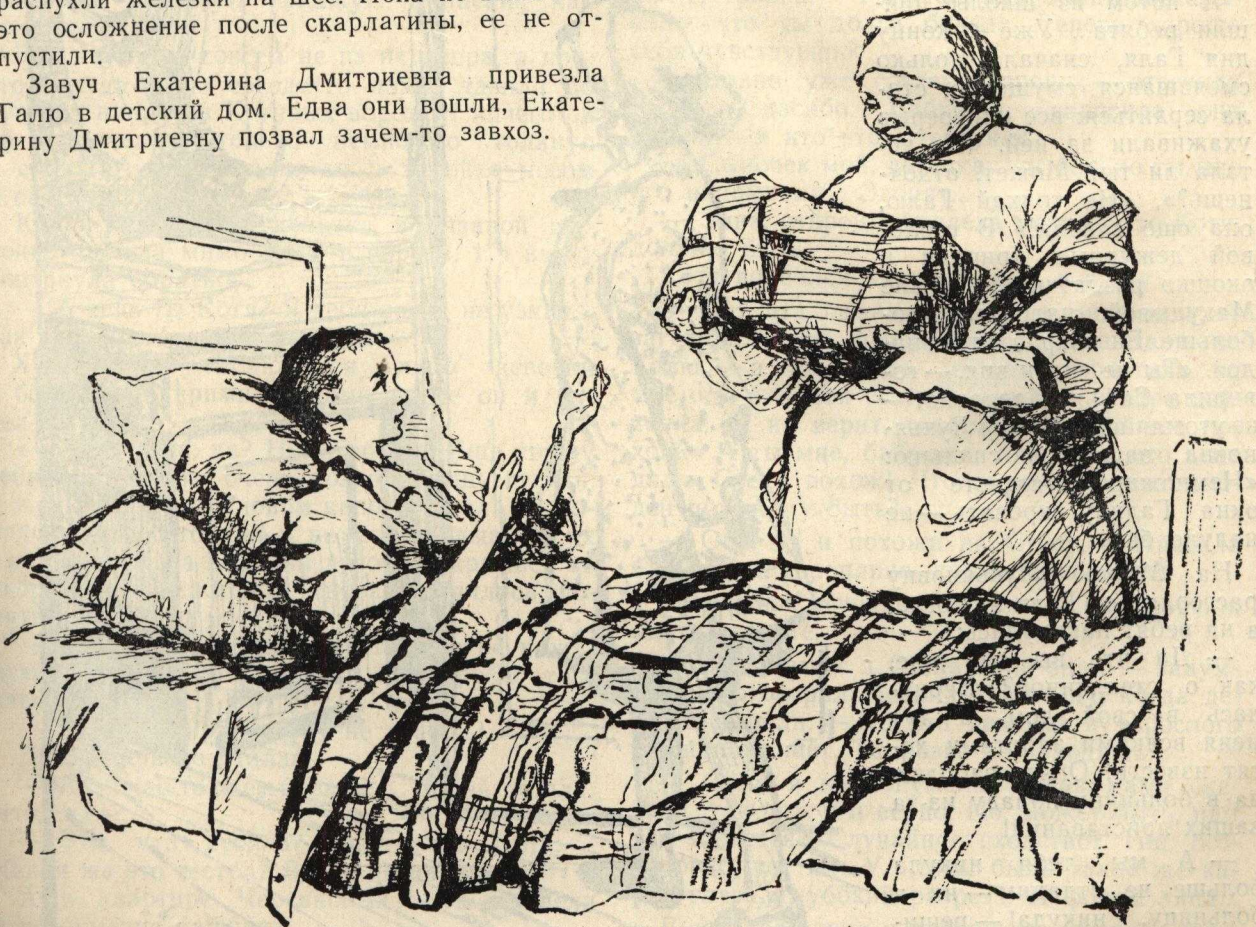
В знакомом вестибюле тишина: все ребята в школе. Как всегда, дверь в кабинет директора открыта. Галя никогда не задумывалась, почему она всегда открыта и прикрывается ненадолго, только когда приходят совсем посторонние посетители. Но это хорошо, что дверь бывает открыта...

Бесшумно Галя подошла к этой двери. Директор сидела за столом и что-то писала. Но вот она положила ручку, сняла очки и задумалась.

У Гали дрогнуло сердце: эта пожилая, полная женщина с усталым и добрым лицом — до чего она своя, близкая, родная. Услышав шум шагов, Мария Лукьяновна подняла голову. Лицо ее озарилось радостью. Она быстро встала, протянула руки навстречу.

Галя бросилась к ней, обеими руками обвила ее шею, прижалась.

— Вернулась? Наконец-то! Родная моя. — прошептала Мария Лукьяновна, целуя Галю.

Она сняла с нее шапочку. — Стриженная! Ежик какой смешной! — Провела рукой по Галиной голове. — Как я беспокоилась о тебе, девочка моя! Теперь все будет хорошо. Ты опять дома!

— Вы... — тихонько сказала Галя. — Вы — наша мама!

— Ну конечно! А ты не знала, глупенькая? Ну, как ты? Совсем хорошо себя чувствуешь?

— Совсем. Я там Мишеньку видела! Подумайте, мы в одной палате были!

— Да знаю я, знаю — засмеялась Мария Лукьяновна. — Все знаю...

— Сколько я в школе пропустила — ужас! — с тревогой сказала Галя. — Что же со мной будет? Хорошо хоть, что зимние каникулы были, никто не занимался...

— А я уже договорилась с Майей Владимировной. Знаешь, из института лаборантка? Она с Валериком Грозовым и Петей Ерошиным занималась, а теперь с тобой займется.

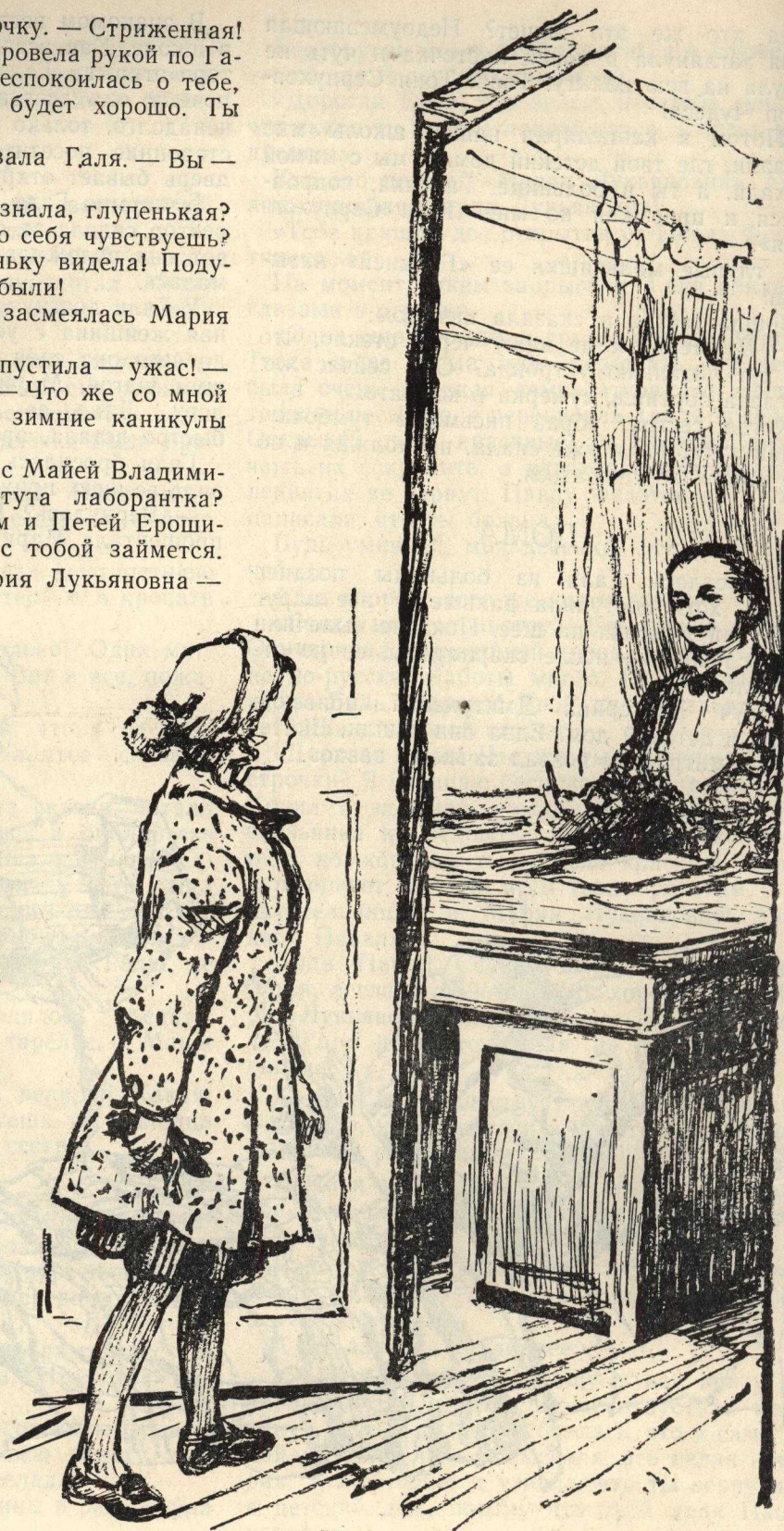
И об этом подумала Мария Лукьяновна — что за человек!

А потом из школы пришли ребята... Уже к концу дня Галя, сначала только смеявшаяся смущенно, стала сердиться: все наперерыв ухаживали за ней. «Не устала ли ты? Может, отдохнешь?», «Не толкай Галю, она еще слабая!» В столовой дежурные кричали в окошко раздатчикам: «Гале Макушевой наложите побольше. Ей поправляться надо». «Ты не скажи зря, — говорила Софья Павловна, — не утомляйся». Мария Лукьяновна зашла в спальню: «Немножко отставьте от окна Галину кровать — не надудло бы».

На Марию Лукьяновну рассердился Галя не могла, а на ребят напустилась:

— Да что вы обо мне, как о стеклянной? Вернулась в свой дом, а тут меня всякими заботами хотят извести! Опять заболела да в больницу попаду из-за ваших приставаний!

— А мы тебя никуда больше не отдадим — ни в больницу, никуда! — решительно заявила толстая Сима.

ДА ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ?

В феврале через город пролетали метели. Снегу навалило столько, что снегоочистительные машины не успевали его сгребать своими клешнями. Вьюжный ветер скособолил сугробы — снежные валы, лежавшие вдоль реки Карповки, накренились на один бок. На кривой верхушке сугроба неуклюже скакала большая ворона.

Котя Черенков стоял в воротах своего двора. С подчеркнuto небрежным видом засунув руки в карманы коротковатого пальтишки и устремив взор на сугроб, он неумело и пискливо насвистывал.

Можно было подумать, что он поглощен скачущей вороной и совсем не слышит обидных криков девочки в малиновом капоре. Девочка, ростом не выше Коти, стояла поодаль на заснеженном тротуаре и кричала пронзительно и негодуя:

— Вот как соберутся наши из первого «г», они тебе покажут, покажут! Узнаешь, как толкаться!

Эта девочка совсем не из их двора, а просто откуда-то из соседнего дома, лезла по сугробу напротив Котиных ворот. И ничего он ей не сделал, только немножко толкнул в спину. А она возьми да и заройся носом в снег!

Какая-то высокая девочка в вязаной шапочке прошла мимо Коти в ворота. Но вдруг повернула обратно.

— А ведь ты Котя? Я тебя сразу не узнала, так ты вырос!

Худенькое улыбающееся лицо девочки с большими карими глазами вроде он и видел когда-то.

— Зина дома, да? Ну, я пошла. Еще увижу тебя, если ты не очень долго будешь гулять.

Крикунья в малиновом капоре стояла на порядочном расстоянии и не могла слышать их разговора. Едва высокая девочка скрылась во дворе, первоклассница снова принялась вопить:

— Ага! Вот я твоей старшей сестре нажалуюсь, какой ты озорник, в сугробы толкаешься!

— А ты же мою сестру не знаешь!

Девочка расхохоталась.

— А сейчас-то я ее видела! С тобой стояла. Что, съел?

— Эта, что стояла? — удивился Котя. — Какая же это сестра? Вовсе незнакомая!

А в квартире Черенковых всех привела в недоумение бабушка.

Когда Зина ввела в столовую худенькую, стриженную под мальчика девочку, бабушка

всплеснула руками, роняя спицы, бросилась к госте и заключила ее в объятия.

— Степушка! Родной мой! Милый! — бормотала она, целуя Зинину подружку.

Все разинули рот. Пораженная Зина воскликнула:

— Бабушка! Это же Галя! Как ты ее называешь?

Зинина мать выпустила из рук шитье. Зинин отец отложил газету. Оба с изумлением наблюдали неожиданную сцену.

Галя ничего не понимала, но тоже прильнула к старушке, поцеловала дряблую морщинистую щеку.

Глядя ее по голове, бабушка сказала:

— Как вошла ты, милушка, ну, гляжу: вылитый Степочка! Волосы стриженные, шейка худенькая, вытянутая. Он, да и только! Когда ему годков одиннадцать было, точь в точь такой был. Ты-то, Ксеничка, не помнишь разве? — обратилась она к дочери.

— Всех ты, мама, напугала, — сказала Ксения Петровна. — Галочка, нам Зина рассказывала, что ты долго болела. Теперь хорошо себя чувствуешь?

— Давно уже совсем хорошо, — ответила Галя. — Спасибо. Бабушка, — спросила она робко, — а кто это Степочка?

— Сыночек мой, деточка. Уж больно ты мне его напомнила... Звонят...

— Зина, открой! — велела мать. — Это Котя, должно быть.

Котя ворвался красный, весь в снегу.

— Вот эта самая девочка к Зине шла, — заговорил он возбужденно, показывая на Галю, — а там одна девчонка пристала ко мне, что это моя сестра! В таком капоре девчонка. И не верит, говорит: «Ты на нее похож!» А ты мне, бабушка, говорила, что я на дядю Степу похож! Что ж мне, на всех людей похожему быть?

— Оба вы и похожи на Степу, — ответила бабушка и торопливо пошла из комнаты.

— Котька, ступай почистись! А вы, девочки, идите играйте.

— Мальчиком я Степана не знал, — задумчиво проговорил Леонид Иванович, когда девочки вышли. — Но эта девочка и взрослого его напоминает. Ты разве не находишь?

— Сама я не подумала, а как мама сказала, так вижу: и верно. Но, может быть, нам так кажется? Случайное сходство? Тип, безусловно, тот же. У Степы были такие же карие глаза, глубокий разрез... И форма лица...

Вошла бабушка и протянула дочери и зятю две выцветшие фотокарточки:

— Тут Степочке одиннадцать лет, а вот

здесь десять, в третьем классе снимали. — Бабушка утирала слезы.

— Нос у девочки потоньше, — промолвил Леонид Иванович, рассматривая фотографию. — Но вообще... Поразительно!

Они посмотрели друг на друга.

— Да что же это такое? — тихо воскликнула Ксения Петровна.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО МАКУШЕВОЙ ГАЛИНЫ

На столе директора детского дома лежала раскрытая папка: «Личное дело воспитанницы Макушевой Галины Викторовны». Родители Зины и Коти Черенковых вчитывались в каждую бумажку.

— Справки из милиции, из детского распределителя, из Дома ребенка... И везде «Гая Макушева», а наша ведь Леночка или Гуля, как ее называли, Емельянова. Ничего нам эти бумаги не дают. — Ксения Петровна сокрушенно покачала головой. — А ведь похожа она на Степу и правда поразительно!

— Детский дом ничем больше вам помочь не может, — сказала Мария Лукьяновна. — Но советую все-таки сходить в то отделение милиции, откуда девочка попала в распределитель. Может быть, там записаны еще какие-нибудь подробности. Они же просто дают выписку...

— Времени-то много прошло! — заметил Леонид Иванович.

— Архивов не выбрасывают. Это отделение милиции в районе Лиговки... Кстати, вы говорили, что ваша маленькая племянница до исчезновения жила именно в этом районе?

— Да, но пропала она в Таврическом саду, — сказала Ксения Петровна.

— А называла она своего отчима папой?

— Называла. Но почему вы спрашиваете?

— Помнится, вы говорили, что его зовут Виктор Анатольевич, а у нашей Гали отчество «Викторовна». Конечно, это может быть чистым совпадением...

— Как вы наблюдательны! — сказал Черенков. — Нам и в голову не пришло.

— Не будем строить догадки. Надо попытаться еще раз все выяснить... А по воскресеньям к вам в семью Галя пусть ходит. Она приходит от вас всегда такая радостная. И Зину мы уже давно знаем, — Мария Лукьяновна улыбнулась.

— Избалованная она у нас, — смущенно призналась Ксения Петровна. — Но с Галей она очень хороша: во всем старается ей уступить, даже угодить.

— Очень это нашей Зине полезно — кому-то уступать, — добавил Леонид Иванович.

За воротами детского дома Черенковы стояли в раздумье. Потом пошли потихоньку.

Синели снега. Мутная мгла спускалась на город.

— Знаешь, что я придумала, — сказала Ксения Петровна. — Давай завтра сразу после работы съездим к этой тетке Олимпиаде, с которой Гуля была в саду. Пусть она расскажет, как все было!

— Съездим, если хочешь. Ты, главное, не волнуйся. Даже осунулась за эти дни...

— Маме пока ни слова, что мы выясняем, — попросила Ксения Петровна. — А знаешь, она Галю «Гулей» называет.

— И я заметил. То Галей, то Гулей. Странно, что она не требует, чтобы выясняли. Только просит: «Возьмем ее к нам!»

— Мы ей правильно сказали, что не так это просто. В Горно и в детском доме могут и не согласиться, ведь ее уже брали на опеку... неудачно...

А на следующий день под вечер Леонид Иванович вел жену через поселок Тайцы к пригородному поезду.

Ксения Петровна плакала, спотыкалась, гневно повторяла:

— Какая подлость! Так обмануть!

— Мы сразу с поезда поедem в милицию на Лиговке, — сказал Леонид Иванович. — Действительно, с ума можно сойти! Бабушка бедная без конца ходила в этот сад...

До самого Ленинграда, сидя в поезде, они вспоминали подробности свидания с теткой Гулиного отчима.

Жила тетка Олимпиада в том же домике с палисадником и небольшим огородом, что и восемь лет назад. Но теперь дом покосился, железо на крыше прохудилось. Дом составил, имел запущенный вид, и такой же вид имела его владелица. Прежде массивная, грузная, но крепкая пожилая женщина превратилась в худую, изможденную старуху.

Черенковы присели на табуретки у стола.

— Стульев-то нет, простите, — скрипучим голосом сказала тетка Олимпиада. — Старые поломались, новых купить не на что. — И добавила со злой усмешечкой: — Все сбереженья вымотал мой-то... преподобный... А теперь, конечно... не нужна стала! Болею, доходов никаких...

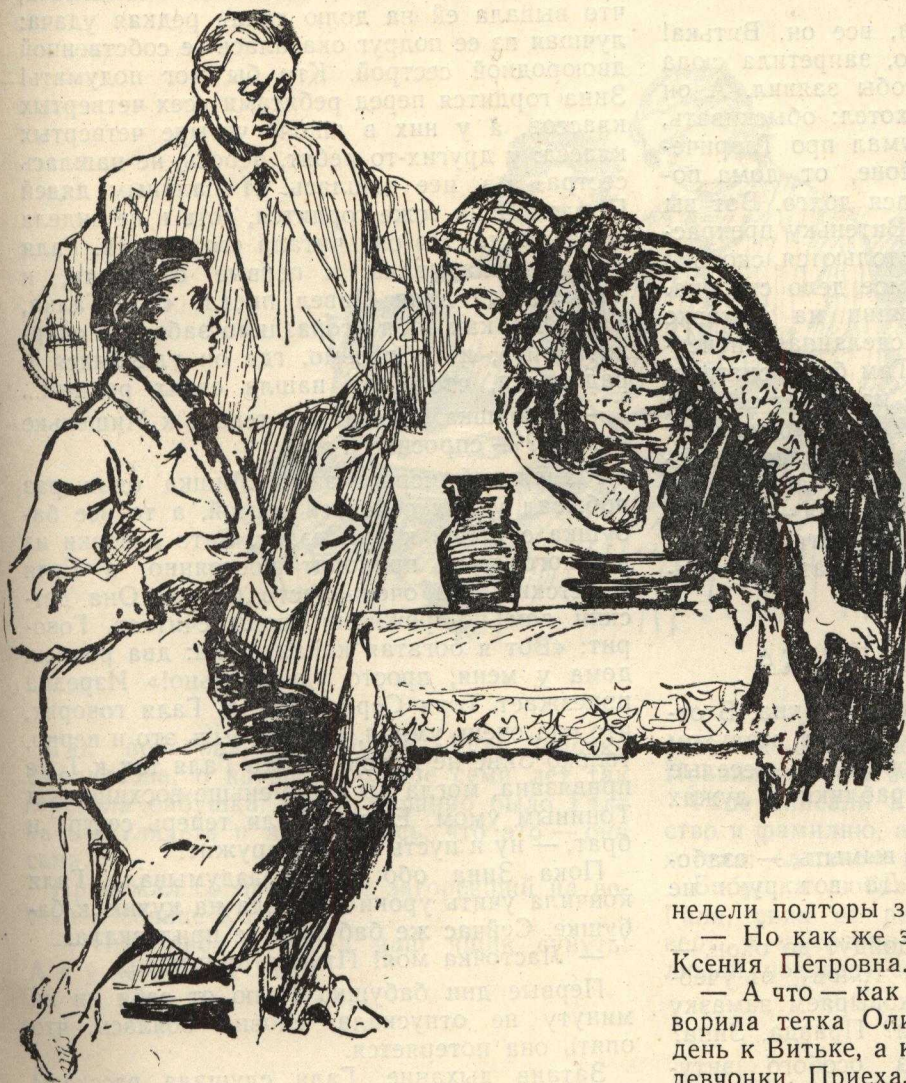
— Вы о ком, Олимпиада Егоровна? — стараясь говорить участливо, спросила Ксения Петровна.

— Да племян мой, Витя. Сколько я на него тратилась, чем только не помогала, как о сыне родном заботилась. А теперь и на по-

рог меня не пускает... Да это я так — к слову. Вы, наверно, насчет картошки. Мешков пять осталось, могу продать.

— Нет, нет, мы не за картошкой. Мы с мужем приехали к вам... Олимпиада Егоровна, вы меня не узнаете? Я как-то была у вас с моей матерью, Гулиной бабушкой...

У тетки Олимпиады потемнело лицо.

— Какая такая «Гулина бабушка»? — спросила она угрюмо. — Ничего я не знаю!

— Ну как же! — заволновалась Ксения Петровна. — Ваш племянник Виктор Анатольевич был женат на вдове моего брата. У Наташи была девочка. Она гуляла с вами в Таврическом саду...

Тетка мрачно смотрела куда-то в угол.

— Он же тогда заявлял, Витька.

— Очень похожая на Степу девочка была найдена на Лиговской улице, недалеко от дома вашего племянника...

— Теперь? — угрюмый взгляд остановился на лице Черенкова.

— Да не теперь! — нетерпеливо сказала Ксения Петровна. — А тогда, она была на Лиговке подобрана семь лет назад, сейчас она в детском доме. И отчество у нее «Викторовна»...

— Я ничего не подписывала! — перебивая Ксению Петровну, резко сказала тетка Олимпиада. — Моей рукой там, в заявлении, и буковки не поставлено. Все он сам, Витька...

— Но вы нам, пожалуйста, расскажите все, как было! Все подробно вспомните!

— Нечего мне вспоминать! Это уж пусть Витенька вспоминает, куда он девочку дел!

— Как «дел»? — в ужасе спросила Ксения Петровна. — Вы же с ней в Таврическом...

— Да какой там Таврический! — голос у тетки Олимпиады вдруг обрел прежнюю сварливость. — Ни в каком Таврическом я с ней не была. Упустил он ее сам как-то из квартиры, а то и нарочно на улице бросил — с него станется! И еще

недели полторы заявить собирался...

— Но как же это? Как же? — воскликнула Ксения Петровна.

— А что — как же? — с раздражением заговорила тетка Олимпиада. — Пришла я в тот день к Витьке, а квартира пустая — ни его, ни девочки. Приехал он вечером, я его спрашиваю: «Девчонку у приятеля на даче, что ли, оставил?» Он говорит: «Ты что? Я уходил, она спала, ее и не слышать было». Ну, осмотрели мы всю квартиру — нигде ее нет. Он говорит: «Тут контролер из электротока приходил. Не утащил же он ее?» Да чего чепуху-то молоты! Зачем она контролеру? Я говорю: «Может, сама во двор вышла? Вечно гулять просится». А он злится: «Через запертую-то дверь?» А все время она была заперта? Мало ли что

он уверяет, а спросонок да после выпивки мог и не помнить. Подумал он и говорит: «Если кто про девчонку спросит, скажу, что я ее к тебе за город отвез». Ведь не нужна она ему была вовсе, каждый день меня попрекал: «Надо ее сдать куда-нибудь! Опять не разузнала насчет детдома!»

Ксения Петровна тихонько плакала.

— Дальше! — сказал Черенков, когда тетка приостановилась.

— Я-то тут не ответчица, все он, Витька! Мой дом я ему, ясное дело, запретила сюда припугивать, требовала, чтобы заявил. А он на квартиру указывать не хотел: обыскивать, говорит, будут. Ну и придумал про Таврический, благо в другом районе, от дома подальше. Да еще и собирался долго. Вот вы его и припирайте к стенке, Витеньку прекрасного, пусть ему мои слезки отольются, сколько он меня потом обижал! А мое дело сторона.

В детской комнате милиции на Лиговке нашлась подробная записка, сделанная инспектором в августе 1949 года. Там было сказано, что трехлетняя «потеряшка» называет себя не то Галей, не то Гулей, фамилию произносит неясно: «Мокусева» или «Мокрусева», возможно, что это «Макушева» или «Макрушева». На вопрос, как зовут папу, ответила — «Витя», как зовут маму, — ответила «Натаса». Очевидно, имя отца — Виктор, матери — Наталья...

БАБУШКА И ВНУЧКА

Весеннее солнце заглядывало в окна. В открытую форточку вместе с теплым воздухом врывались чирикание воробьев и веселые крики ребят, пускавших кораблики в лужах на дворе.

— Окна пора открыть и вымыть, — озабоченно сказала бабушка. — Да вот руки не доходят.

— Твои руки пусть и не дойдут до окон, — отозвалась Галя, поднимая голову от учебника. — Неужели мы не отковыряем замазку и не вымоем рамы и стекла? Правда, Зина?

— Что ж... можно, — без особого энтузиазма согласилась Зина. — Я еще не мыла, но можно попробовать.

Девочки учили уроки за большим обеденным столом. На другой половине стола бабушка что-то кроила. Время от времени она снимала очки и отправлялась на кухню помешать в кастрюлях.

Мысленно Зина пересчитала окна у них в квартире, — в столовой два, в спальне два, в кухне — одно, — и легонько вздохнула.

С тех пор, как поселилась у них Галя, жизнь стала интереснее, но кое в чем труднее.

Галя старается бабушке во всем помочь. А Зине же неловко сидеть сложа руки, когда Галя подметает, стирает, моет посуду, штопает Котькины чулки. Приходится и ей заниматься домашней работой.

Уже недели три прошло, как Галя у них поселилась, а Зина все не может опомниться, что выпала ей на долю такая редкая удача: лучшая из ее подруг оказалась ее собственной двоюродной сестрой. Кто бы мог подумать! Зина гордится перед ребятами всех четвертых классов, а у них в школе четыре четвертых класса: у других-то ребят, небось, не нашлась сестра, а у нее нашлась! И Галиным дядей Павлом Зина тоже гордится, хоть и не видела его никогда. Но она читала его письма. Галя ей все показывала: и первые открытки, и письма, где дядя Павел писал: «Эх, Галка, Галка! И как тебя угораздило заболеть скарлатиной?», и то письмо, где он удивлялся и радовался, что Галя нашла своих родных...

— Бабушка, а когда мы теперь к Мишеньке пойдем? — спросила Галя.

Маленький черноглазый Мишка один раз побывал у них со своей мамой, а то все бабушка с Галей к ним ездят. Зато девочки из детского дома приходят постоянно, и Галя в детский дом очень часто бегаёт. Она детский дом по-прежнему своим считает. Говорит: «Вот я богатая какая стала: два родных дома у меня, просто удивительно!» Изредка приезжает Тоня Серпуховская. Галя говорит, что она очень умная. Может быть это и верно, только Зине не нравится, что Галя так к Тоне привязана, могла бы и поменьше восхищаться Тониным умом. Есть у Гали теперь сестра и брат, — ну и пусть с ними дружит!

Пока Зина обо всем раздумывала, Галя кончила учить уроки и пошла на кухню к бабушке. Сейчас же бабушка ее приласкала:

— Ласточка моя! Птичка пригожая!

Первые дни бабушка Галю от себя ни на минуту не отпускала, словно боялась, что опять она потеряется.

Затаив дыхание, Галя слушала рассказы бабушки о своих папе и маме. Теперь Галя хорошо знает, кто ее мама... была! Правду сказала Мария Лукьяновна, что мама Галю не бросила. Разве такая хорошая мама когда-нибудь бросила бы свою дочку? И кто папа был, Галя знает. Долго-долго она вглядывалась в их лица на фотографии.

Целый альбом разных фотографий показала ей бабушка, а про одну сказала:

— Насквозь я ее проглядела...

На фотографической карточке улыбалась маленькая, лет полутора девочка с бантом на светлых кудряшках.

— Кто это? — спросила Галя.

— Да ты, моя лапушка! Ты!

— Неужели? — удивилась Галя. — Какая смешная! Веселенькая...

На протянутом конверте знакомым почерком было написано:

*«Настасье Акимовне и Галине Степановне
Емельяновым»*

— Бабушка, дядя Паша тебе, значит, ответил! — обрадовалась Галя. — Ты же ему пи-

Так вот она, маленькая Гуля-Леночка Емельянова, о которой больше семи лет так горевала бабушка. Очень странно было Гале на нее глядеть и не верилось, что это — она сама.

Прибежал со двора уже загоревший на весеннем солнце Котя.

— Почтальон хотел в наш ящик сунуть! А я у него взял. Вот!

сала. А фамилию одну поставил, видишь? Правильно! Мы ведь обе теперь Емельяновы.

Гале вписали в метрику ее прежние отчество и фамилию, а имя свое она менять не захотела: слишком к нему привыкла.

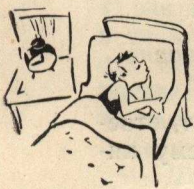
Бабушка любовно смотрела, как ее Гуля-Галя, сияя от радости, распечатывает конверт, и мысленно благодарила всех хороших людей, повстречавшихся на пути ее внучки.

Юмористические Частушки

Слова В. Суслова

Музыка О. Романова

Задорно

Музыкальная партитура с вокальными линиями и фортепиано-аккомпанементом. Текст песни:

На у - ррк, да на у
рок! За - ли - ва - ет - ся зво - нок. Кто прос - пит се - го - дня в класс, пусть не
се - ту - ет на нас. Мы возь - мём его на муш - ку в пио - нер - ску - ю час
туш - ку.

2. Как решить такой вопрос:
Завтра утром будет кросс,
Нас в отряде тридцать пять,
А команды не собрать?
Кто на танцы, кто на речку,
Люда — к бабушке на печку!

3. Стонет в поле лебеда:
— К нам отряд идёт сюда! —
А ушёл отряд когда,
Засмеялась лебеда:
— Вот так фокус! Вот так ловко!
Я расту, а где ж морковка?..

4. Целый склад к себе в карман
Запихал у нас Степан:
Есть там шишки, камни, гвоздь,
А платочка не нашлось!
И расчёски в складе этом
Не ищите — тоже нету!

ПОДАРОК

Иван Пауновски

Рисунки Г. Праксейна

Маленький провинциальный городок лежит по обе стороны шоссе среди невысоких холмов. Холмы покрыты виноградниками. Уже начало сентября, а они все зеленеют.

В этот час на виноградниках никого нет. Только чья-то белая рубашка мелькает в кустах.

Мальчик собирает виноград. Осторожно перебирая грозди, нащупывает черенок и переламывает его своими худенькими пальцами. Отделив кисть, осторожно кладет ее в корзину.

— Возьму еще одну, вот эту, уж очень она красивая!

Ребята, с которыми он пришел, давно уже спустились по тропинке в город. У них корзинки были небольшие.

Сейчас все уже собрались, наверное, на площади, встречают русских солдат.

Писк гайды и стук барабана слышны даже здесь.

Пожалуй, надо спешить.

Ухватившись обеими руками за ручку корзины, мальчик с трудом поднимает ее, держа ношу перед собой. Потом опускает корзину к правой ноге и, подталкивая ее коленом, делает шаг за шагом.

Сделав двадцать-тридцать шагов, мальчик отдыхает. Сядет на траву, смахнет пот со лба, поплюет на потертые ладони, затем встанет и идет дальше.

На этот раз до города далеко, как никогда.

«Э-е-ех!.. Зато когда приду на площадь, всех солдат угощу. Всем хватит».

Мальчик улыбается. И корзина как будто становится легче, и шаг шире.

...Очень хочется пить. Но поблизости ни колодца, ни ручейка. Только виноград разве?.. Но ведь это же для солдат.

«Ничего, вон уже и крайние дома, а оттуда до площади рукой подать... Зато когда появлюсь с такой большой корзиной, Коце Чушката и Мико Цолов лопнут от зависти. Но я даже не взгляну на них. Выйду на середину площади и крикну изо всех сил: «Ха, братушки! Берите виноград!»

Два последних перекрестка он проходит без отдыха, мокрый от пота. Теперь за угол и... В глазах у него потемнело. Корзина выскользнула из рук, колени дрогнули, и мальчик опустился на дорогу. Горькие слезы подступили к горлу.

Никого, ни души. Тишина. Только четыре курицы купаются в пыли. Русских солдат на площади уже не было. В каждом доме с утра приготовились к встрече. Один пригласил к себе двух-трех солдат, другой... И площадь опустела.

Трудно сказать, сколько времени просидел мальчик у своей корзины. Вдруг на шоссе показался военный грузовик. Развернувшись, машина остановилась у колонки. Шофер, русский здоровяк с веснушками по всему лицу, вытащил бидон и подставил его под кран. Лицо шофера выражало досаду. Он торопился догнать своих.

Наполнив радиатор, солдат вернулся к колонке и стал пить. Напился, плеснул в лицо водой. И только теперь он заметил мальчика, который стоял около большой корзины с виноградом и смотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Как тебя зовут? — ласково спросил солдат.

Мальчик смотрел на него не мигая.

— Имя, имя? — закричал шофер, будто он разговаривал с глухим. — Иван? Петр? Как?

— А-а-а... — протянул мальчуган и лицо его посветлело. — Андрей!

— Андрей? Вот это здорово! — солдат громко захохотал. — Да как же так?... Как же так? Да ведь и я Андрей!

Мальчик стоял возле него со счастливой улыбкой на губах.

Он ничего не понял из того, что говорил русский солдат. Но смех покорило его.

— Ну и обрадовал же ты меня, браток, — проговорил шофер, отдышавшись. — Все утро не везет, а тут! Да вот, брат, ехать мне надо. Слушай! Хочешь прокачу? Недалеко!

И так как мальчик не двигался с места, он схватил его и посадил в кабину.

— Вот и твоя корзина!

Грузовик загромыхал, понесся через площадь, по шоссе, мимо домов.

Мальчик онемел от восторга, переполненный незнакомым ощущением, и дышал так, словно сбегал до виноградников и обратно.

На краю города машина остановилась. Шофер опустил Андрея на землю и повернулся за корзиной.

Только теперь Андрей пришел в себя.

— Не надо! — изо всех сил закричал он. — Возьми себе!

— Ну и голосок! — шофер улыбнулся. — Как же это ты молчал до сих пор?

— Возьми виноград!.. Возьми, это подарок!

— А-а-а! Подарок? — воскликнул солдат, услышав знакомое слово, и почесал затылок. — Добре! Виноград — можно. А вот корзину, браток, ты возьми назад. Пригодится, — добавил он, высыпая виноград.

Потом обернулся и, присев перед мальчуганом на корточки, хрипло сказал:

— Растрогал ты меня, Андрюха-братуха! Так растрогал! Впрочем, что тебе объяснять... Все равно ведь не поймешь... Дай хоть поцелую...

Он притянул к себе мальчика, и Андрей обнял солдата за шею и прижался губами к его колючей щеке.

Грузовик тронулся, а Андрей еще долго стоял на шоссе с пустой корзиной в руках и смотрел ему вслед.

— Как тебя зовут?

РАЙОНЫ КРУПНЕЙШИХ
НОВОСТРОЕК СОВЕТСКОГО СОЮЗА
в 1959 — 1965 г. г.
(составлено по проекту семилетнего
плана)

- новые
угольные
бассейны
- металлурги-
ческие
заводы
- тепловые
электростанции
- гидроэлектростанции
- газовая
промышленность
- районы развития
нефтедобывающей
промышленности
- химическая промышлен-
ность
- новые рудные

НАША СЕМИЛЕТКА

АЛМАТЫ

ИРКУТСК

КОСК

КРАСНОЯРСК

БРАТСК

ИРКУТСК

ЧИТА

КАРАГОВСК

БАЙАН

лесная
промышленность

пищевая
промышленность

строительные

легкая
промышленность

новые водные
пути

новые железные
дороги

электрифициро-
ванные желез-
ные дороги

ШКОЛА В КАТАКОМБАХ

М. Полякова

Рисунок Н. Кустова

Наверху шла война.

Там, на земле, горели здания, рушились стены, над крышами с ревом проносились фашистские штурмовики, грохотали орудия, ноги ступали по осколкам зенитных снарядов и битому стеклу.

Приморская Армия, обливаясь кровью, удерживала Одессу. Ей помогали огнем корабли Черноморского флота. Военные транспорты вывозили из осажденного города людей, учреждения, ценности.

Все это было наверху, над головой. А здесь, в катакомбах, шла напряженная работа.

Под каменными сводами мигали копилки, вспыхивали огоньки электрических фонарей, звучали человеческие голоса. Гуськом проходили вооруженные группы, комсомольцы перетаскивали тяжелые ящики, устанавливали пулеметы. Уходили и возвращались связные — обыкновенные люди в штатском.

Через катакомбы доставляли боеприпасы и продовольствие на самые опасные участки фронта. В катакомбах работал штаб будущего подполья, формировались партизанские отряды.

И здесь же, в катакомбах, ребята учились в школе. Об этом в осажденной Одессе говорили с удивлением и гордостью.

Ученики сидели группами, по классам, на каменных выступах. Керосиновые фонари освещали дощечки в углублениях: 5-А КЛАСС. 6-А КЛАСС.

Карты, глобусы, приборы переносили в катакомбы по ночам. Прибор мог стоить жизни.

Но ребята не только учились...

...Главное не то, что тебя могут убить. Главное — не выдать фашистам выходы из катакомб.

Вася лезет вверх по каменному колодцу. Сорвешься — костей не соберешь. Но дело привычное. Вася вылезает на поверхность и сразу распластывается на земле. Отползает в сторону, перебегает, выпрямляется. Он на окраине. Припекает солнце, из некошенной высокой пшеницы вылетает перепелка. Вася шагает по дороге и думает.

Если бы не эта тройка по арифметике! Получить тройку — и где? В подземной школе, которой гордится вся Одесса! Задача подвела. Ну, ничего, тройку исправим. Надо думать о другом. Штабу нужно знать, где стоят орудия, которые фашисты подтянули за ночь куда-то совсем близко. Хитро спрятана батарея, пока не заговорит — не засечешь, а тогда может быть поздно...

Фашисты... Вася ни разу не видел фашиста. Какие они?

— Хальт!

Высокий белобрысый парень приставил винтовку к самому Васиному лицу. Чужая форма! Фашист! И откуда он взялся? В пшенице, что ли, сидел?

Фашист подозрительно смотрит на мальчишку. В руках у мальчишки кнут, ноги босые, рожица глуповатая. Нет, ничего. Как будто не опасен.

— Куда пошел?

Мальчишка машет рукой: туда!

— Ты есть осел! Осел! — сердится немец. — Туда нельзя!

«Ага, нельзя, — соображает Вася, — значит, неспроста». И с тем же глуповатым выражением он тянет:

— Не осел! Корова! Корову я потерял! Ди ку ферлорен!

Немец раздумывает. Потом снимает с плеча тяжелый рюкзак, молча навьючивает на Васю и дулом винтовки показывает вперед. И они идут туда, куда нельзя.

Теперь Вася видит сразу много фашистов. Весь овраг забит солдатами. В стороне стоят орудия с короткими толстыми стволами.

Подходят несколько солдат, разглядывают Васю.

И тут появляется начальник в темных очках. Солдаты рассыпаются кто куда, а Вася получает от начальника крепкого пинка и летит в сторону. Он не бежит. Он отползает потихоньку, хотя его так и подмывает дать хорошего деру.

...Давно кончились занятия. Но никто не уходит, весь пятый класс ждет, когда вернется Вася. Директор Анна Авксентьевна Галько тоже не уходит, как будто нет у нее множества неотложных дел.

Ребята сидят в тишине и ждут. Говорить не хочется.

Шаги. Кто-то идет по каменному коридору. Нет, бежит! Витя Шимко зажигает фонарик. Тоненький лучик освещает измазанное счастливое Васино лицо со следами высохших слез.

Как хочется побыть с ребятами, рассказать! Но Васю отзывают в сторону комсомольцы. Внимательно выслушивают, заставляют повторять одно и то же несколько раз.

...Наутро черные столбы разрывов поднимаются на фашистской батарее. Ее громят с моря, земли и воздуха.

Наутро в катакомбах звенит колокольчик. Несмотря ни на что ребята учатся в школе...

После войны 125-ая школа Одессы не досчиталась многих учеников. Их имена никогда не забудут.

И сейчас эта школа впереди и по успехам в учении, и по тому, как ребята себя ведут, какие полезные дела делают.

А бывший пятиклассник-разведчик Вася Белявский жив, здоров, работает.

В 1965 ГОДУ НА КАЖДОГО ЖИТЕЛЯ СССР ПРИДЕТСЯ ... ОКОЛО ПЯТИ-ДЕСЯТИ ПУДОВ ЗЕРНА!

Зачем так много? В магазинах и теперь полно хлеба и булок.

Давай разберемся. Да, хлеба у нас вдоволь. Но нам надо развивать животноводство. Как получить от коровы — больше молока, от свиньи — больше мяса, от курицы — больше яиц?

Дать скоту и птице лучший корм — зерно.

На это и уйдет почти половина урожая 1965 года.

Зерно — не только батоны и баранки. Зерно — основа всего сельского хозяйства, так же, как сталь — основа промышленности. Много будет зерна — много будет мяса, молока и других продуктов.

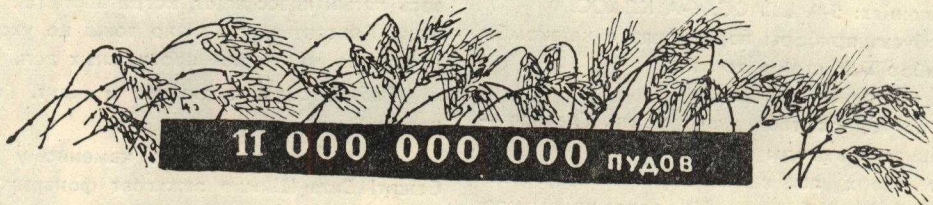
Поэтому XXI съезд Коммунистической Партии Советского Союза указал:

Главное в земледелии — увеличивать производство зерна.

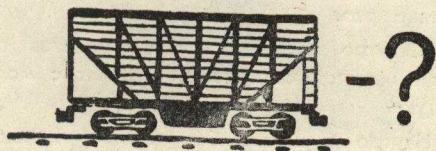
Мы распахали 36 миллионов гектаров целины. Это больше, чем вся территория Германии или Италии.

За подвиг освоения целины твой старший брат — Ленинский Комсомол — награжден орденом Ленина.

В конце Семилетки со всех посевных площадей мы должны собрать хлеба

Как лучше понять, что это за цифра? Сейчас ты это увидишь. Возьми карандаш и бумагу.

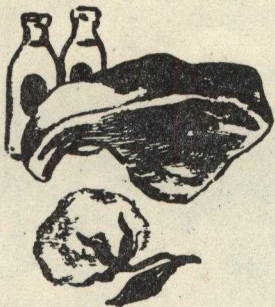

Один пуд равен шестнадцати килограммам. Сколько надо шестидесятитонных вагонов, чтобы сразу перевезти все зерно урожая 1965 года?

А сколько для этого потребовалось бы десятитонных грузовиков?

Подсчитал? Представил себе? То-то.

Мы не только соберем много зерна. Мы и других сельскохозяйственных продуктов получим много.

Мяса, молока, шерсти, масла — в два раза больше, чем теперь.

Сырья для текстильных фабрик, хлопка, — в полтора раза больше.

Сахарной свеклы — больше чем в полтора раза.

Фруктов и ягод — в два раза.

Винограда — в четыре раза больше, чем теперь.

Кто поможет колхозникам выполнить такой огромный план? Сильные и умные помощники человека — машины.

Уже теперь на наших полях работают миллион семьсот тысяч тракторов и пятьсот тысяч комбайнов. А за Семилетку прибавится еще миллион тракторов и четыреста тысяч комбайнов.

Машины, электроэнергию, автоматику дает колхозам наша тяжелая промышленность.

Шахтеры добывают уголь, горняки — руду. Из руды и угля металлурги плавят металл. Из металла машиностроители делают тракторы, комбайны, грузовики. Железнодорожники ввозят машины по стране. Строители сооружают электростанции. Химические заводы вырабатывают минеральные удобрения.

Так все рабочие, весь наш народ помогает колхозникам выполнить Семилетний план.

1000 000

400 000

Ты тоже можешь помочь сельскому хозяйству.

Шефствуй над телятами.

Выращивай кроликов, цыплят, уток, гусей.

Защищай урожай, борись с вредителями, с сорняками.

Сажай деревья, охраняй зеленые насаждения.

Участвуй в радиофицировании и электрифицировании своего села, своей школы.

Изучай трактор, комбайн, автомашину, учись управлять ими.

Ты слышал о школьных колхозах-спутниках? Там ребятам отводят землю, дают тракторы, автомобили, другие сельскохозяйственные машины. Там свое правление из ребят, свои бригады, — все, как в настоящем колхозе. И работают там тоже по-настоящему.

За дело, друг!

В. Ядов, участник поездки ленинградских комсомольцев в Италию

— Комсомольцы?
— Си, си. Комуниста.
Мы не знали их языка, они — нашего. И тогда мы запели:
*«Аванти, пополо,
Алла рискосса
Бандьера росса,
Бандьера росса!»*

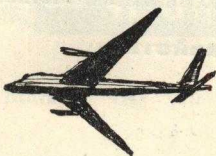

Подружила нас песня

Это была песня о до самого отъезда из фестивальной Москвы. Красном знамени, которое зовет в бой за свободу и коммунизм.

Трудно передать, как обрадовались итальянские парни, услышав на родном языке свою песню. С этой минуты мы уже не расставались

Закончился фестиваль, и в Ленинград начали приходить письма со штампом «Milano. Italia». Прошлым летом к нам приезжала делегация миланских комсомольцев. А теперь мы сами летим в гости к друзьям...

На двенадцать дней

Позади меня в глубоком кресле с откидной спинкой дремлет сухощавый англичанин. Недокуренная сигара торчит из пепельницы, вделанной в ручку сиденья. На коленях — букетик роз, весь его багаж. Наверно, летит в Рим на несколько праздничных рождественских дней.

Справа — накрашенная дама лениво перелистывает иллюстрированный журнал. Впереди, ни на кого не обращая внимания, бойко болтают по-английски два мальчика лет пятнадцати. Оба в коротких штанишках, один непрерывно жует резинку. В багажной сетке

над ними лежат ружья для подводной охоты — длинные бамбуковые палки с каким-то замысловатым устройством посередине.

В первом часу ночи наш самолет приземлился на аэродроме Чампино, недалеко от Рима. Огромный пустой зал аэропорта. Трое полицейских чиновников, молодых, в синих костюмах, с лихо заломленными фуражками.

У господина с цветами, дамы с журналом, у всех прочих туристов из Англии, Западной Германии, Франции, Швейцарии паспорта проверяют мол-

ниеносно: «О'кей! О'кей! Все в порядке! Проходите!» Протягиваем и мы свои документы — красные книжечки с золоченым гербом СССР.

Полицейские оживленно переговариваются друг с другом, что-то долго записывают в толстые книги и, наконец, строго объявляют:

— Синьоры должны покинуть страну не позднее чем через двенадцать дней.

Понятно! Это мы уже знаем. Знаем и о том, почему итальянское посольство в Москве задерживало разрешение на въезд в страну вплоть до Нового года. Представители властей думали:

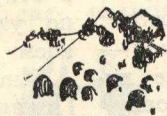

Рисунки Л. Московского

«Пусть-ка эти ленинградские комсомолы, если уж им иначе никак не помешать, приедут во время Рождества, когда каждый итальянец празднует у себя дома, в кругу семьи. Кончатся праздники — гости увернутся восвояси. Не будет ни митингов, ни красных знамен...» Они тешили себя надеждами, которым не суждено было сбыться.

В десяти минутах езды

Римский вокзал Термини — сооружение из железобетона, стали и стекла. Поезда отправляются через каждые несколько минут.

Здесь, в этих пещерах живут бедняки. В десяти минутах езды от блестящего вокзала Термини, роскошных магазинов, великолепных особняков итальянской столицы.

«Мила-а-но-о-о!» — слышим мы издали и устремляемся к вагону, около которого стоит молоденький парнишка в фуражке с длинным козырьком. Это он нас зовет. Нам — в Милан!

А это что там такое? В крутом обрыве холма — пещеры. Один ряд над другим. Что это, памятник старины, каких много в Италии?

И вот за окном — невысокие холмы. На их вершинах — раз-

Нет. Возле пещер играют ребята. С веревок свисает белье.

Мы невольно вспоминаем чистеньких мальчиков из нашего самолета.

Дети пещер на заграничные курорты не поедут. Многие из них и в школу не могут поступить. И уж, конечно, никто не пригласит их на сегодняшнюю рождественскую елку!

Товарищи по борьбе

Это было то самое Красное знамя, о котором поется в песне, — знамя Коммунистической партии Италии. Оно развевалось над небольшим скромным зданием на площади 25-го Апреля в Милане.

Днем и ночью около этого здания патрулируют вооруженные полицейские — карабинеры. У них длинные па-лаши, винтовки за плечами, мундиры с белой перевязью через плечо. Двадцать шагов вперед, поворот — двадцать шагов назад.

Никого не задерживая, ни с кем не разговаривая.

Зачем они здесь?

Маленькая хитрость, желание попугать прохожих: «Вот, мол, смотрите, какие страшные коммунисты. Их приходится охранять с винтовкой, чтобы в городе было спокойно!»

Над входом в здание — эмблема Компартии, серп и молот. На панели, на ступенях, в окнах — комсомольцы. Они ждут нас. Окружают нас, обнимают, жмут руки. Мы видим вокруг мужественные радостные

лица, слышим знакомые слова песни:

*«Вперед, товарищи,
Под наше знамя!
Победа с нами,
Победа с нами!»*

...На центральных улицах Милана золотыми огнями горели

надписи: «Буон натале!» — «Счастливого рождества!», а в небольшом здании под красным флагом молодые коммунисты открывали митинг дружбы с советской молодежью. Ошиблись господа из посольства!

Дубинки и приклады

Это тоже полицейские. Они получают жалованье у мелких лавочников, мясников, булоч-

ников, у хозяев кафе и магазинов. Поздно вечером прекращается торговля, хозяева запирают свои владения на замок и длинным крюком спускают на окна и двери железную штору. Тогда и появляются на ночных улицах полицейские-велосипедисты.

Идет рабочий через проходную — его обыскивают, заставляют раздеться: ищут листовки. Собралась во время обеденного перерыва молодежь в цехе — сыщики уже наготове: выются около, подслушивают — о чем говорят рабочие, не думают ли устроить забастовку?

Это действует особая, заводская полиция. Она — на службе у фабрикантов.

А когда бастующие рабочие выходят на улицы, и впереди колонны появляется боевое Красное знамя, и тысячи голосов запевают революционную песню, — тогда хозяева пускают в ход самую свирепую полицию — «челере».

Челере специально обучают и тренируют. Во время демонстраций им дают в руки резиновые дубинки, гранаты со слезоточивым газом, подпаивают для храбрости ликером, сажают в открытые машины и везут по улицам, оглушая прохожих воем полицейской sireны.

Много полицейских в Италии. Полицейских и... попов.

Полицейские в рясах

Однажды молодые миланцы собрались на спортивные соревнования, организованные комсомольцами. Несколько девушек-работниц пришли к месту старта в физкультурных

костюмах. Вдруг на беговой дорожке появляется местный священник, воздевает руки к небу и говорит:

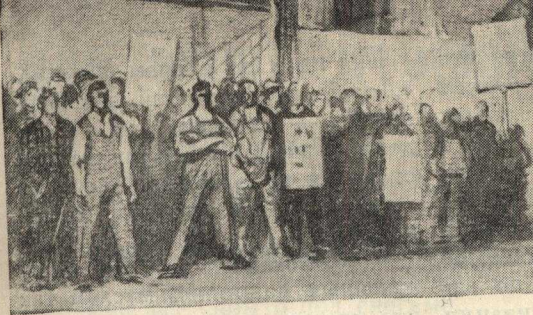
— Побойтесь бога! Разве можно расхаживать по улицам города в трусах и майке? Что

На перекрестке улиц стоит одетый во все синее, в белых перчатках до локтей городской полицейский — «добрый». Он регулирует движение и предпочитает не вмешиваться в стычки с рабочими.

От дверей банка отъехал бронированный автомобиль, а спереди и сзади него — по два мотоциклиста в кожаных куртках с автоматами, укрепленными на руле. Это банковская полиция. Ее содержат промышленники.

А вот двое сухощавых молодых в черных фуражках и брюках навывпуск проезжают вдоль улицы на велосипедах. На длинном ремешке сбоку — пистолет.

скажут люди?! Немедленно идите домой!

Произносит он эти речи, а тут, как нарочно, одна спортсменка поскользнулась на финише и упала.

Поп обрадовался, подбежал к ней и снова начал:

— Вот она, кара господня! Посмотрите сами, как наказывает господь тех, кто попал в западню к коммунистам!

И пошел, и пошел агитировать в том же роде.

Толпа становилась все больше. Молодые болельщики начали возмущаться: почему свя-

щенник вмешивается в спортивную борьбу, какое он имеет на это право? Посыпались угрозы в адрес попа. Некоторые же, наоборот, стали его защищать.

Тогда вперед вышел Эрманно Саломони — руководитель коммунистической молодежи Милана. Пиджак чуть не трещал на его широких плечах.

— Товарищи! Это провокация. Священник хочет поссорить нас друг с другом. Он и полицию может вызвать!

И действительно — с визгом подъехала машина, замелькали дубинки по головам. Ребят хватали, надевали им наручники, сажали в тюремные фургоны.

Привезли в полицейский участок и Эрманно. Его обвинили в организации коммунистического митинга и отдали под суд.

Эрманно рассказывает

«Более жадных типов, чем попы, я не встречал.

Когда я собирался жениться, мама и родственники невесты потребовали, чтобы мы обвенчались в церкви. Что делать? Венчаться — позор для коммуниста. Отказаться — обидеть родных.

Тогда я пустился на хитрость. Тайком от матери отправился к священнику из соседнего прихода и стал уговаривать его совершить обряд венчания. Тот сначала для виду поломался —

он не имел права служить в чужом приходе. Но упустить случай «заработать» он все же не хотел и в конце концов согласился.

Маме я сказал, что мы готовы повенчаться. И она известила об этом нашего приходского священника.

В назначенный день собрались родственники, друзья и соседи. И пришли оба попа — тот, которого пригласил я, и тот, которого оповестила мама.

Если бы вы видели, что тут

было! Попы начали отчаянно ругаться между собой. Всем уже ждать надоело, а они никак не могут остановиться. Я и говорю: «Что делать? Святые отцы, видно, не договорятся. Не поделить им наши денежки. Пойдемте лучше в Совет коммуны и зарегистрируем брак пограждански, а не поцерковному!»

И все согласились, что это правильное решение. Даже мама!»

Стереть невозможно

На главной площади Милана, в самом центре города — древний собор, Иль Дуомо. Десятки остроконечных башенок и шпилей устремлены ввысь.

На каждом — бронзовая статуя. Однажды на площади перед

собором группа молодых строителей начала сооружать что-то из фанеры и деревянных реек. Следивший за порядком полицейский заметил их еще в полдень и подумал: «Опять ремонтируют Дуомо. Только мусор

тут. Всего таких статуй — 4440. А на самой вершине парит над городом золотая фигура богоматери — ма-

разводят и мешают транспорту. И когда это кончится?»

Наступил вечер, люди вышли из домов прогуляться по галерее Виктора Эммануила, что напротив собора, а на площадь со всех сторон начала стекаться молодежь. На месте, где «строители» производили подготовку к «ремонту», стоял... макет американской ракетной установки. Раз! И, облитый бензином, он вспыхнул, как факел.

Полицейские не знали, что делать. Начать гасить — значит собрать еще большую толпу, люди станут смеяться. Так и оставили догорать символ войны...

Эту историю нам рассказал Владимир Монти — комсомольский активист, который по заданию партийной организации вместе с товарищами успешно выполнил опасное поручение.

Мы идем по улицам Милана. «Долой американский империализм!» — написано на стене дома. Такой же лозунг на мостовой и на заборе. «Прочь из Ливана!» — на другой стене, напротив.

Комсомольцы пишут пережженным машинным маслом, так что стереть надписи почти невозможно...

Эввива иль комунизмо э ла либерта!

Мы снова дома. Я раскрываю свой чемодан, к ручке которого привязано множество разноцветных бироков: Рим, Цюрих, Вена, Прага, Москва...

С каким вниманием слушали итальянские рабочие наши рассказы о Советской стране! Эти рассказы были для них рассказами о прекрасном будущем, за которое нужно упорно бороться, чтобы оно победило в Италии.

Слова хорошо знакомой нам песни о Красном знамени наполнились живым, глубоким смыслом. Мы видели, с каким чувством, с каким блеском в глазах произносили эти слова наши братья по классу. Мы видели, как сжимались в кулак их

руки, поднятые в революционном приветствии «Рот Фронт!».

— Эввива иль комунизмо э ла либер-та!

— Да здравствуют Коммунизм и Свобода!

...На дне чемодана — красное знамя. Подарок друзей.

Десять лет назад впервые подняли это знамя миланские комсомольцы. Много раз мужественные руки выносили его впереди колонны демонстрантов, прятали от полиции. По краю полотнища пришиты тесемочки, которыми знамя привязывается к древку. В случае опасности его можно быстро отвязать и спрятать на груди...

Первого Мая комсомольцы

Ленинграда пронесли это знамя по Дворцовой площади.

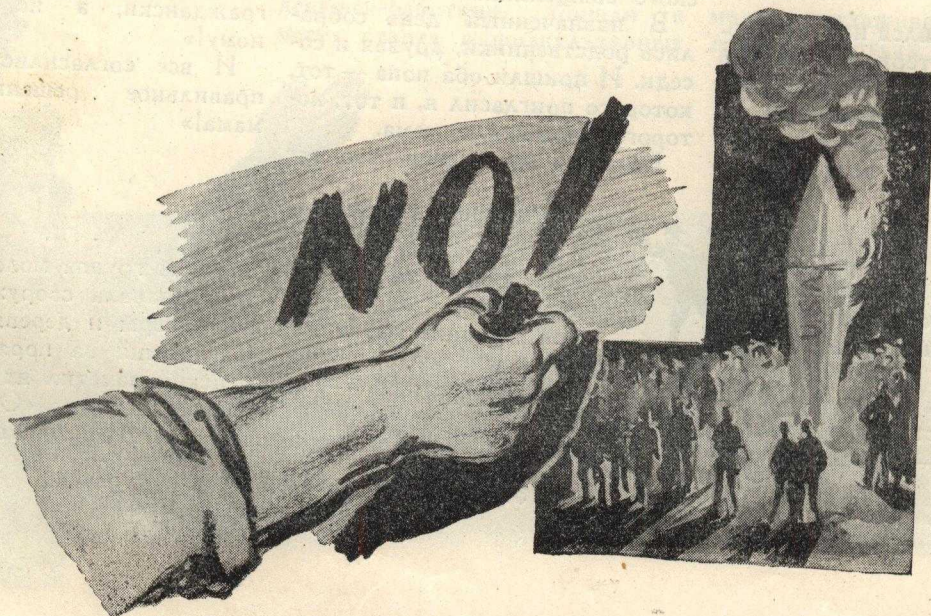
И снова — над колонной студентов Университета, над колоннами рабочих завода имени Козицкого, фабрик Желябова, Урицкого и других — свободно и гордо реяла песня о Красном знамени, любимая песня итальянских рабочих, песня, зовущая на бой:

*«Красное знамя за собой
ведет,*

*Красное знамя поднимает
народ,*

*Красное знамя
к Коммунизму зовет,*

*Под красным знаменем
мы победим!»*

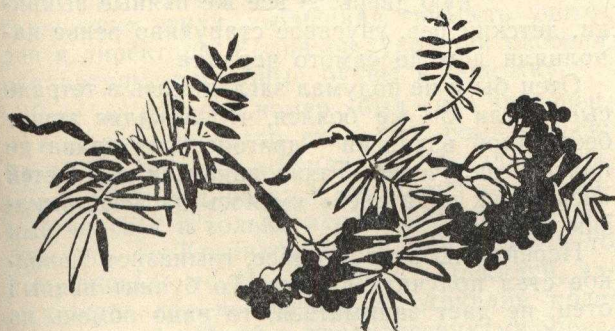

ПРО ВЕСНУ И ОСЕНЬ

Галина Новицкая
Рисунки В. Звонцова

НА РЕКЕ ШЕКСНЕ

Еще все скрыто под снегами,
А к берегу пришла весна.
И, скованная подо льдами,
Заволновалась вдруг Шексна.
Она бежит волной на берег,
Почуя в проруби простор.
И власти холода не верит
По-летнему зеленый бор.
На берегу трава местами
Уже спешит снега сменить,
Ее обходят ноги сами,
Чтоб на весну не наступить.

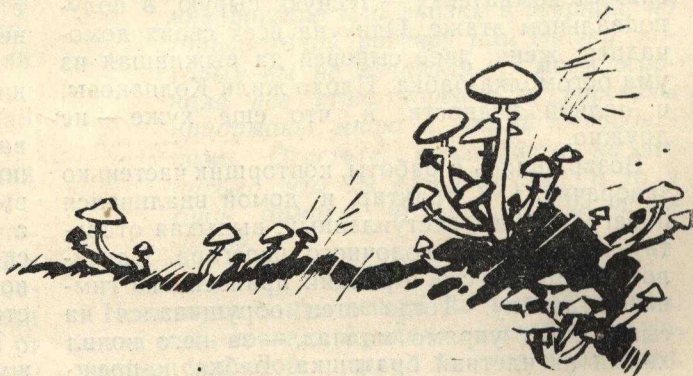

СЕНТЯБРЬ

Сентябрь лето уронил,
И в рощах поселился холод.
И украшеньем груз рябин
На платье осени приколот.

ОПЕНЬКИ

Нет грибов дружней, чем эти, —
Знают взрослые и дети, —
На пеньках растут в лесу,
Как веснушки на носу.

Тайна редактора Колпакова

БЫЛЬ

Игорь Бахтерев

Рисунок А. Скалозубова

События, о которых я хочу рассказать, произошли давно — полвека назад.

Одноэтажный деревянный Архангельск напоминал в те годы большую приземистую деревню. Правда, встречались и каменные дома, но только на центральных улицах. В кирпичном трехэтажном доме конторщик Колпаков снимал комнатенку — тесную, сырую, в полуподвальном этаже. Одну на всех своих домочадцев: жена, двое сыновей да выжившая из ума богомолка-бабка. Плохо жили Колпаковы, в полной бедности, и, что еще хуже — не дружно.

Возвращаясь с работы, конторщик частенько заворачивал в трактир и домой вваливался побагровевший, иступленный, выдыхая отвратительный запах водочного перегара. Случалось, старший сын Аркадий приносил из гимназии двойку. Тогда отец обрушивался на сына, а тот упрямо молчал, — за него вопил хилый пятилетний братишка. Бабка по-преж-

нему отвешивала поклоны перед божницей и тянула нескончаемую молитву. Мать Аркадия, не по возрасту седая, бросалась притворять наружную дверь. И все же пьяные выкрики, детский рев, гнусавое старухино пенье наполняли дом до самого чердака.

Отец бы и не подумал заглядывать в тетрадь сына, если бы не боялся, что Аркадия лишат бесплатной вакансии — драгоценного права не платить за учение. Таких вакансий для детей «неимущих родителей» имелось на всю гимназию всего три.

Перейдя во второй класс, гимназист Колпаков стал получать двойки. То буянит пьяный отец, не дает заниматься, то надо помочь по хозяйству, а выберется спокойная минута, он и тогда не учит уроки — принимается читать с увлечением, забывая все на свете, пока мать не погонит спать.

Аркадий очень любил книги, особенно Пушкина, Горького...

Возвращаясь из гимназии, он останавливался перед витриной книжной лавки, сквозь полузамерзшее стекло разглядывал заманчивые обложки. Иной раз, среди дорогих книг с золотыми сверкающими обрезками замечал скромный томик произведений Максима Горького и тогда он радовался, будто встретил старого доброго знакомого.

В глубине витрины, над веером цветных журналов, свешивалось размахисто написан-

ное объявление. Плакат оповещал читателей, что подписка на детские журналы продолжается. Аркадий давно мечтал подписаться. Сначала хотелось получать «Светлячок», потом — «Задушевное слово», а теперь казалось, что самый интересный журнал — «Природа и люди». Но мечты оставались мечтами — журналы стоили слишком дорого.

И вдруг мелькнула мысль! У него тоже будет журнал! Аркадий даже хлопнул ладонью по ледяному стеклу витрины. Этот журнал будет издавать он сам — Аркадий Колпаков.

Номера придется выпускать, конечно, в полном секрете от взрослых. Задача не простая. Первое. Размер номера — школьная тетрадка.

Второе. Название — «Гном».

Третье. Содержание — «Гном» будет рассказывать о жизни архангельских гимназистов, об их радостях и печалях.

И редактор Колпаков взялся за работу.

Первые за много месяцев мать похвалила сына:

— Старший-то поумнел, — сказала она мужу. — Каждую свободную минуту к столу присаживается, сочинение по русскому языку готовит, целую тетрадку исписал.

Прозаик Колпаков рассказывал, как невесто живется гимназистам в их темном в зимнюю пору городе. Поэт Колпаков сочинял сатирические стихи, высмеивал грубость учителей и директора. Колпаков-художник рисовал карикатуры, заглавные буквы и обложку.

Еще и первый номер был не закончен, а Колпаков-редактор стал уже сомневаться: какой же «Гном» журнал, когда издает, выпускает, сотрудничает в нем один-единственный человек и только меняет фамилию, называя себя то Крутиковым, то Винтиковым, то Петушковым, то Царапкиным... Пожалуй, таких журналов не бывает. И Аркадий поделился своей тайной с одноклассниками, предложил им сотрудничать в «Гноме».

Поначалу гимназисты подняли редактора на смех, а полистав первый, не оконченный номер, заинтересовались. Четыре человека дали согласие.

— Еще посмотрим, что вы умеете. Журнал не бабки выбивать, дело потруднее.

Тон был важный, редакторский. Аркадий старался скрыть радость победителя.

«Гном» появлялся каждую неделю. Гимназисты читали его с интересом, но вскоре выяснилось: сотрудники не отличаются литературными талантами. Авторы журнала были вызваны на срочное совещание, подальше от гимназии — на набережную Двины. Там, у са-

мой пристани, уселись под дощатым навесом, на пустых бочках.

Вид у редактора был таинственный.

— Важное решение! — объявил он. — Журнал должен быть еще лучше, а для этого нужно уметь писать. Я хочу пригласить сотрудничать в «Гноме» настоящего писателя.

— Какого?

— Максима Горького! — объявил редактор. — Все обдумано! Во-первых, он самый знаменитый и самый лучший, во-вторых — переписывается с детьми.

В журнале «Современное слово» Аркадий своими глазами читал письмо Горького, писавшего в Баку «Школе шалунов». Ребята собрали деньги и послали в Италию на остров Капри, где жил Горький, чтобы Максимушка, как называли его ребята, передал деньги детям, пострадавшим от землетрясения в городе Мессине.

— Уж если писатель Горький малышам написал, гимназистам обязательно ответит. Увидите, я прав, — закончил свое сообщение редактор.

Когда Аркадий вернулся домой, оказалось: мать гуляет с братишкой, бабка в церкви и отца, по обыкновению, нет дома. Значит, Аркадий в полном одиночестве. Жди, не дожدهшься такого случая. Итак, решено! Он сел за кухонный стол, вырвал из тетради листок и, обдумывая каждое слово, написал:

«Архангельск, 3 марта 1910 г.

Г. Горький! Пишу вам письмо и не знаю, как вас зовут, напишите мне ваше имя. В номере 771 «Современного слова» я прочитал ваше письмо к детям и захотел вам написать письмо. Я издаю журнал «Гном». У меня уже вышло шесть номеров (вы только об этом не говорите никому и не отвечайте мне через газету, а то все узнают, и директор запретит издавать журнал). Я прошу вас прислать мне рассказ или сказку в журнал, но только такой рассказ или сказку, которых вы не печатали. В моем журнале все стихотворения и рассказы придуманы мною и моими сотрудниками. Ответьте, пожалуйста, на это письмо, что вы его получили, а то я буду думать, что вы его не получили».

Но откуда взять деньги на марку? Утром, когда мать послала Аркадия за хлебом, он дошел до булочной, свернул за угол и побежал.

Дома и заборы мелькали у него перед глазами. Остановился Аркадий у почты.

— Дайте мне марку, которая подороже, — сказал он в почтовое окошечко.

В тот день Аркадий опоздал на закон божий.

— Послал Горькому... — шепнул он соседу по парте.

— Как же, ответит, жди... — шепнул ему сосед.

Дома здорово попало за «потерянные» деньги. И все же жизнь казалась Аркадию веселее, люди добрее, даже короткие мартовские дни — светлее и приветливее. Раскроет книгу, а перед глазами усатый почтальон. Он передает ему большой конверт с итальянской маркой.

Возвращаясь из гимназии, Аркадий первым делом спрашивал:

— Кто-нибудь ко мне приходил?

Но почтальон приходил только в мечтах. Десять дней миновало, а письма из Италии не было.

Гимназисты посмеивались: «Ай-да редактор, сочинитель!» И дразнили Аркадия «итальянским колпаком».

— А чем он виноват? — вступались за своего редактора сотрудники «Гнома». — Может быть, писатель Горький квартиру переменил или в журнале адрес перепутали. Всякое случается!

Да и самому Аркадию стало казаться: Горький не ответит. На вопросы сотрудников он отмалчивался. А как-то раз на уроке географии не удержался, поднял руку и спросил:

— Сколько дней идет письмо из Италии в Россию?

Гимназисты стали перешептываться, хихикать, учитель рассердился:

— Тут тебе не почтовое отделение, назови-ка лучше, какие ты знаешь острова в Средиземном море?

— Остров Капри, — не задумываясь ответил Аркадий.

— А еще?

— Капри, — повторил Аркадий и смолк.

В классном журнале против фамилии Колпакова появилась еще одна двойка.

Аркадий окончательно перестал учить уроки. Только и думал о своей неудаче. Даже во сне снился ему Горький. Однажды увидел пальмовую рощу с обезьянами и попугаями. Среди зелени стоял кирпичный дом с мезонином, вроде архангельского полицейского управления. По мраморной лестнице поднимается почтальон, а навстречу ему — Горький. То он казался седобородым, как Лев Толстой, то с бакенбардами, как у Пушкина. Пор-

трета Горького Аркадию не доводилось видеть.

— Вам из России письмо, — лопочет почтальон на непонятном итальянском языке.

Горький разрывает конверт, читает, качает головой и по-русски говорит:

— Ай-да редактор, ай-да сочинитель, итальянский колпак!

Шли дни. Сидел вечером Аркадий за кухонным столом, склонившись над раскрытым задачником Верещагина, и решал задачу:

— Сегодня — пятнадцатый день: три — туда, два — на обдумывание, три — обратно... Всего получается восемь дней...

И вдруг послышался незнакомый голос:

— Получите, госпожа...

— Кому?

— Колпакову.

— Дома нет. В трактире, — сказала за дверью мать.

Вскочил Аркадий, даже табуретку опрокинул и бегом на лестницу. Кричит:

— Дома Колпаков! Это я! Я!

— С ума спятил! Замолчи, ирод.

А Колпаков-младший не обращает внимания на материнские слова, тянется к письму, твердит:

— Это я — Колпаков, я — Аркадий Гаврилович...

— Верно, — соглашается почтальон, — тому самому, из Италии. Молодой человек, распишитесь.

Протягивает Аркадию голубой конверт. И марка на нем заграничная, и написано крупно:

*„Аркадию Гавриловичу Колпакову.
Редактору-издателю журнала „Гном“.*

А пониже мельенько, такие желанные, драгоценные слова:

«От Горького Алексея Максимовича».

Мать обомлела и сказать ничего не могла. Схватил Аркадий письмо и обратно в комнату. Сел, как ему мечталось, за стол у самой лампы, аккуратно ножичком вскрыл конверт и вытащил большой глянцевый лист.

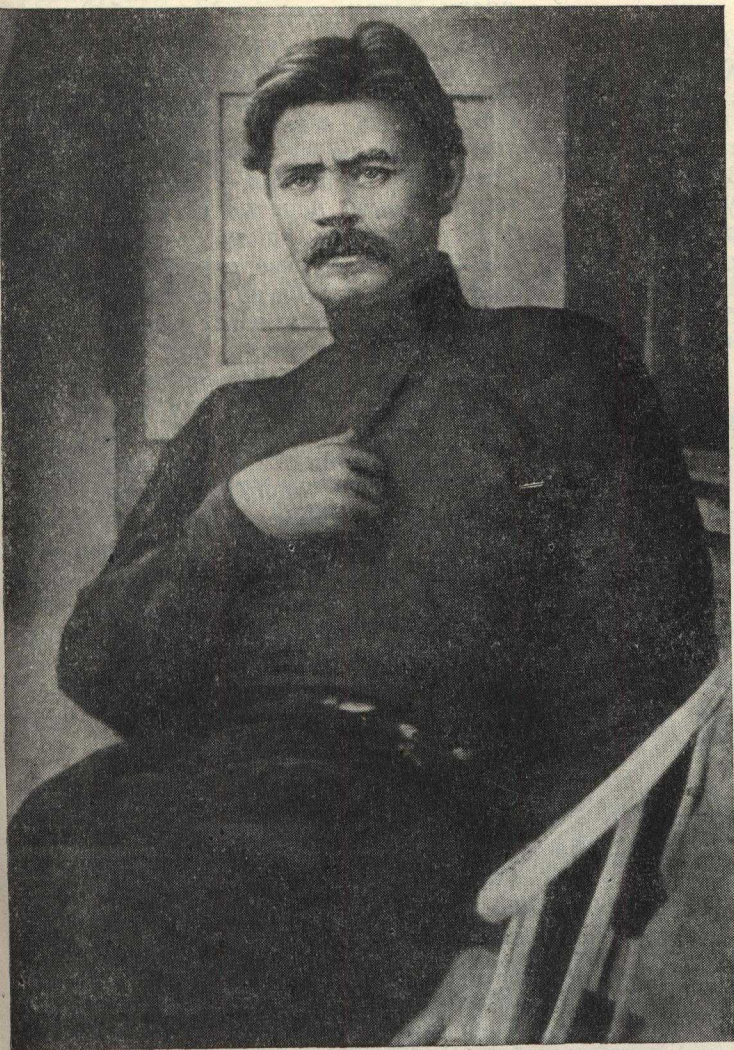
«Многоуважаемый Аркадий Гаврилович!

К величайшему огорчению моему, — говорилось в письме, — не могу я вступить сотрудником в почтенное Ваше издание, не могу, оберегая Ваши интересы и спокойствие Вашего духа.

Потому что, как только я начну писать в журнале Вашем, сейчас же узнают об этом газеты и начнут тоже непременно писать. Узнает директор

гимназии, сделает неприятную сцену Вам, потом — Вашим папе и маме, а папа с мамой — обидятся и тоже сделают Вам сцену, да и мне, пожалуй, перепадет на орехи.

Я, Аркадий Гаврилович, сам в гимназии не учился, но весьма боюсь ди-

ректоров, хоть мне уже сорок лет, а директора, наверное, не все страшные.

А что о сотрудничестве моем у Вас узнают — это уже наверное! Обо мне всё известно: сколько волос у меня на голове, и как велика лысина, и что я думаю, когда молчу, и какие вижу сны — всё!

И если я напишу детям письмо, так оно уже непременно попадет в газеты; куда ни прыгни, а уж на земле будешь, таков закон природы, дорогой Аркадий Гаврилович. Об этом даже в учебнике физики сказано.

Мне очень нравится, что Вы издаете журнал, и я был бы очень рад, если бы Вы прислали мне вышедшие номера его. Пришлите, а? А я Вам открыток пришлю и, если хотите, иностранных марок.

Знакомство наше не скрывайте от папы с мамой — с ними надо быть откровенными во всем, если Вы желаете, чтобы они были для Вас хорошими друзьями. Это я говорю не потому, что сам — папа, а потому, что дружба сына с отцом и матерью — превосходнейшее чувство, и я желаю Вам испытать его.

Желаю Вам также успеха в Вашем деле, это славное дело, и я хотел бы, чтобы Вы не бросали его всю жизнь, писали бы рассказы, издавали журналы и т. д.

Конечно, для этого необходимо учиться, это — как я немножко знаю — туговато, но необходимо, милый Аркадий Гаврилович!

А если привыкнешь учиться, так это даже приятно, уверяю Вас. Приятно и дает очень много радости.

Крепко жму Вашу огромную лапу, да будет она всегда сильной, доброй, рыцарски честной — Вам ведь хочется этого.

Всего хорошего, Аркадий Гаврилович.

Журнал-то пришлите».

Прочитал Аркадий и не знает — смеяться ему или плакать от радости. Только успел спрятать письмо, вбегает в комнату мать, а за ней большими, нетвердыми шагами отец.

— Не губи нас, Аркаша, говори, от кого получил? — заголосила мать.

— Скажу, мамаша, только под большим секретом. Директор узнает или кто другой — беда.

— Мое решение такое, — сказал отец. — Неси его от греха в полицию.

— Не понесу, папенька, — торжественно произнес Аркадий. — Это письмо от знаменитого писателя — Алексея Максимовича Горького.

Аркадий ни с кем близко не дружил ни

в гимназии, ни на дворе. Прежде своими лучшими друзьями он считал книги Горького, теперь сам Алексей Максимович стал его другом и заполнил всю его жизнь.

Пойдет Аркадий на берег Двины, сядет на бревно, смотрит на плывущие льдины, на мутную весеннюю воду и думает, как живет на небольшом острове Средиземного моря самый близкий для него человек, самый верный и единственный друг.

Несколько дней обдумывал Аркадий ответ, переписывал до тех пор, пока не остался доволен.

Целый месяц на большой перемене не ел бутербродов, не пил чаю, но зато у него появились деньги на почтовые расходы. Второе письмо Аркадий написал на меловой бумаге, украсив его дорогой, самой красивой переводной картинкой: букетом роз вперемешку с полевыми цветами.

На первых двух страницах Аркадий благодарил Алексея Максимовича за ответ. На третьей сообщал, что его родители сами узнали про письмо из Италии, а потому и говорить им об этом не пришлось, как советовал Горький. Рассказал о собрании сотрудников «Гнома» на пристани под навесом, где показал он долгожданное письмо и для достоверности — конверт с итальянской маркой.

Аркадий взял со своих сотрудников слово никому не говорить о переписке. Но, видно, слова они не сдержали, потому что с тех пор в классе над Аркадием не смеялись и «колпаком итальянским» не дразнили.

Аркадий похвастался перед отцом, какой у него сердечный друг.

— Если Горький тебе друг, — сказал отец, — должен не глупости сулить, открытки да марочки, а помочь. Напиши, в каких башмаках в гимназию топаешь. От друзей бедность скрывать не резон...

Аркадий подумал: может быть, отец на этот раз и прав. Потому что Аркадий и мечтать не смел о коллекции марок, ему бы марок на обратные ответы Горькому! Книжки — превосходная вещь, больше всего Аркадий любил читать, но что интересная повесть или рассказ, когда не в чем ходить в гимназию, башмаки

дырявые, а калоши и вовсе нет! Собрался Аркадий с духом и в конце письма обо всем написал Алексею Максимовичу.

Отослал письмо и никак не мог успокоиться. Приписка покоя не давала. Нет, не надо было слушаться отца! Думал, думал и уже в полном отчаянии послал вдогонку другое письмо:

«Только не прерывайте нашей переписки, потому что тогда мне будет некому говорить о своем душевном состоянии, а придется все молчать и молчать, выражая злобу против людей. Теперь есть с кем поговорить, хотя в письме не напишешь того, что сказал бы на словах. Если вы прекратите со мной переписку, то мне придется отдаться нашей серой жизни, слушать эти вечные укоры, что плохо делаешь то, да ничего не делаешь того. Вашего письма я ждал всегда с нетерпением, оно было для меня как светлый луч в ненастную погоду или оазис среди пустыни. Если же вы будете со мной переписываться, то я вам

скажу такое спасибо, какого от меня не получал еще ни один человек. Если вы не хотите, так я не буду вам писать ни о деньгах, ни о прочих своих нуждах. Вы мне впервые оказали ласку, за эту одну, первую еще ласку (как я помню себя) готов я отдать все, что имею, тому человеку.»

Алексей Максимович не прервал переписки; он прислал редактору «Гнома» не только денег на башмаки и калоши, но еще выписал журнал «Природа и люди» с приложением, прислал заграничных марок и много открыток с видами острова Капри.

Что бы ни делал, чем бы ни занимался теперь Аркадий, он думал о своем друге. Подерется на перемене

с кем-нибудь из гимназистов, а в голове сразу мелькнет: «Что сказал бы Алексей Максимович, если бы увидел!»

Однажды Горький написал Аркадию: чтобы сочинять хорошие рассказы и стихи, необходимо учиться. И Аркадий стал стараться изо всех сил. Когда бабка заводила

церковное пение или отец начинал пьяную ругань, Аркадий вспоминал, в каких условиях учился Горький, затыкал уши пальцами и продолжал твердить урок, не отрываясь от книги.

— Старшего-то словно подменили, — говорила мать отцу и хвасталась перед соседками.

В одном из первых писем Аркадий писал: «Я во втором классе плохо учился по-немецки, французски, русски и по-латыни». А когда перешел в третий класс, с гордостью сообщил Алексею Максимовичу, что его отметки стали значительно лучше, ни одной двойки и троек мало, все четверки да пятерки.

Редактор Колпаков и его сотрудники послали Горькому пять номеров «Гнома» — №№ 1, 6, 7, 8 и 9-й.

«Журналы я бы с удовольствием отдал вам, — писал Аркадий, — но у меня всего по одному экземпляру, а обложку вы сорвите с № 1, там обложка лучше всего получилась, и возьмите ее себе на память».

Алексей Максимович точно выполнил указание редактора. Среди писем Аркадия Колпакова, сохранившихся в архиве Горького, лежала и оторванная обложка первого номера «Гнома». Она перед вами.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ВЕЧЕР

(Письмо немецкого пионера)

Я провел каникулы в пионерском лагере в Обергофе. Однажды мы пошли в трехдневный поход. К вечеру устроились на ночлег и все собрались у костра. И вот тут случилось то, чего я никогда не забуду.

Наш вожатый товарищ Гельфер пил из походной фляжки, запрокинув голову. Вдруг он воскликнул:

— Смотрите, падающая звезда!

Мы посмотрели вверх и увидели летящую по небосводу точку. Она ярко светилась.

— Ах, — воскликнул кто-то, — да ведь это Спутник!

И все мы закричали: «Спутник, Спутник!»

Мы отчетливо видели его и следили за ним несколько секунд. И у всех нас стало как-то особенно радостно и тепло на сердце.

...Это был самый лучший вечер на каникулах.

ГДР, Берлин

Вольф Юрген Бекман

ФАБРИКА ВКУСНОГО ХОЛОДА

Е. Рейн

Рисунки Е. Севастьянова

Когда я был в вашем возрасте, ребята, я часто бегал с товарищами встречать мороженщика. Он привозил свой сундук на колесах и кричал, устанавливая тележку прямо на улице: «Мороженое, мороженое!» Мальчишки первыми окружали тележку. Продавец доставал железную трубку, бросал в нее вафлю, столовой ложкой накладывал мороженое, а затем еще одной вафлей прижимал его сверху.

На вафлях были написаны знакомые имена: одна вафля — Нина, другая — Миша, третья — Толя. И так подружился мы с одним продавцом, что он подбирал нам вафли по именам, — знал, как зовут каждого.

Теперь вы уже не встретите таких веселых сундуков. Зато у нас в Советском Сюзе построили фабрики, которые выпускают по 100 тысяч килограммов мороженого в сутки.

Много лет назад я впервые увидел, как делают мороженое. Мне было одиннадцать лет, но до сих пор хорошо помню промышленную

выставку в Ленинграде на Манежной площади.

С трудом я пробрался к машине, которая делала мороженое, и тогда она сама взяла вафельный стаканчик, налила в него мороженое, как сметану, и подала мне.

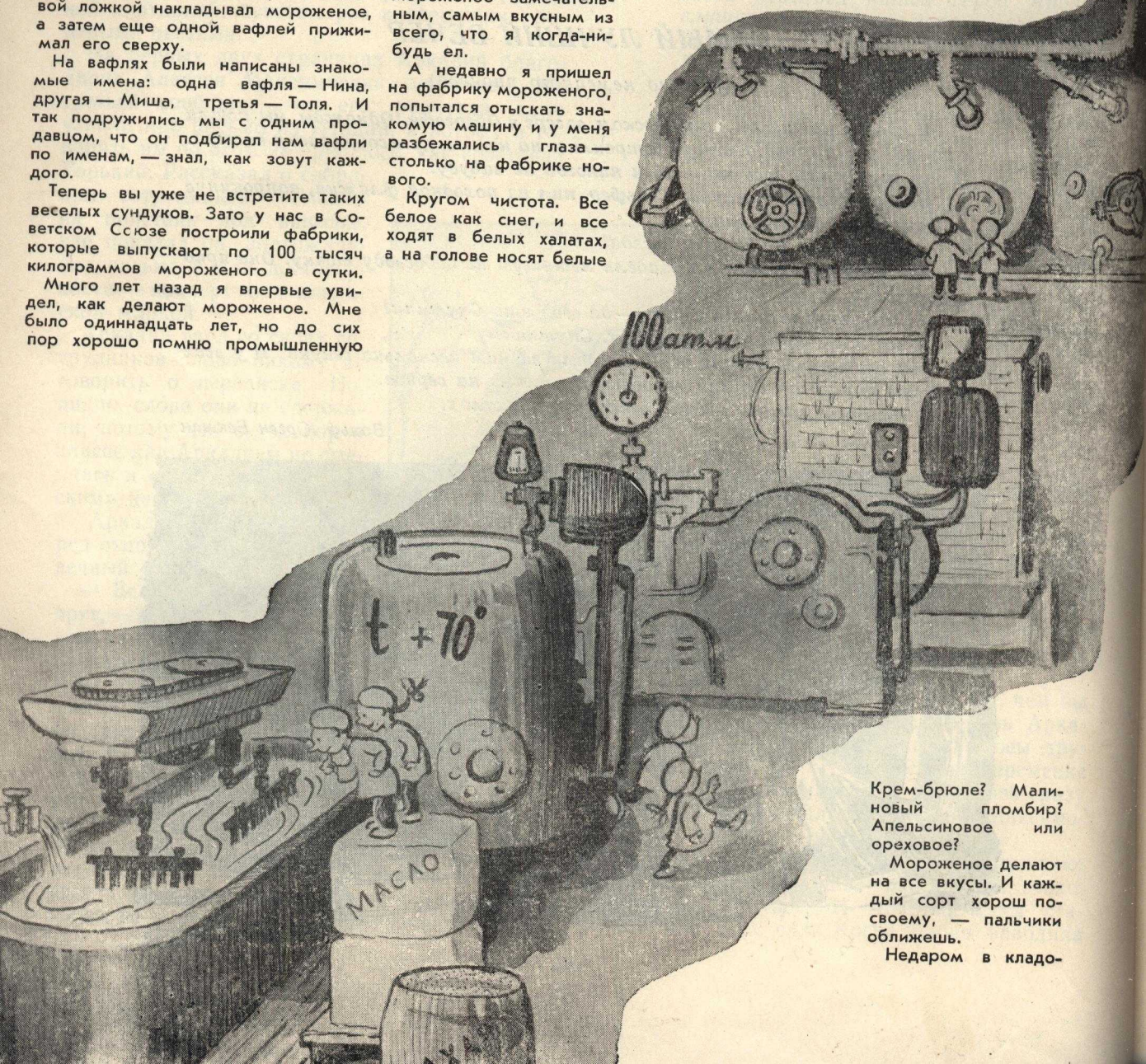
Мне показалось это мороженое замечательным, самым вкусным из всего, что я когда-нибудь ел.

А недавно я пришел на фабрику мороженого, попытался отыскать знакомую машину и у меня разбежались глаза — столько на фабрике нового.

Кругом чистота. Все белое как снег, и все ходят в белых халатах, а на голове носят белые

шапочки. Стены выложены белыми плитками, и везде висят плакаты о чистоте. Только в раздевалке сидит черная кошка, но и она все время умывается.

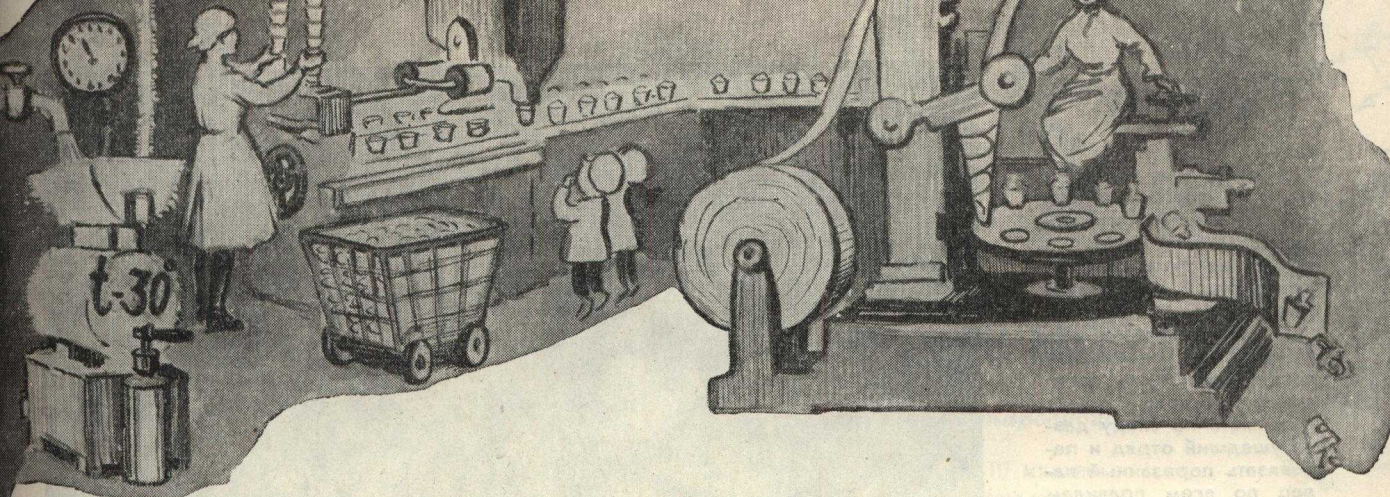
Какое вы любите мороженое?

Крем-брюле? Малиновый пломбир? Апельсиновое или ореховое?

Мороженое делают на все вкусы. И каждый сорт хорош по-своему, — пальчики оближешь.

Недаром в кладо-

вых фабрики — бидоны со сливками, ящики масла, коробки с какао, изюмом, ящики фисташек и орехов, мешки кофе, банки с фруктами, ягодами, отдельно на полочках лежат яйца.

Сортов мороженого очень много. Каждый сорт готовится по особому рецепту. В молоко кладут сливки, какао в порошок или шоколад, сахар, яйца. Эту смесь составляют в специальных ваннах. Электромоторы вращают в смеси мешалки, чтобы смесь равномерно перемешалась. Потом смесь пастеризуют — нагревают в котлах до 70 градусов: при этой температуре большинство бактерий погибает, но не исчезают питательные свойства молока. Когда пастеризация завершается, смесь поступает в другие машины — гомогенизаторы.

Вот они, гомогенизаторы, прямо на нашем пути: с виду — обыкновенные железные ящики, но на самом деле — сложные машины.

Жир в смеси находится в виде шариков, и эти шарики нужно раздробить: чем они мельче, тем вкуснее мороженое. Если этого не сделать, у мороженого будет привкус масла.

Шарики жира разбивают в гомогенизаторах под давлением почти в сто атмосфер, то есть сто килограммов на один квадратный сантиметр.

С такой силой смесь в гомогенизаторе проталкивается через небольшую щель, и шарики молочного жира разбиваются на крохотные частицы.

Но где же мороженое? О каком

мороженом идет речь, если его температура 70 градусов и оно такое же горячее, как чай в стакане? Терпение, терпение, — придет время и получится настоящее мороженое, холодное и твердое как лед.

Есть аппараты, называются теплообменники. Они напоминают коробки с перегородками внутри. По одну сторону перегородки стекает холодная вода, по другую — горячая смесь. Смесь охлаждается, вода нагревается — все в порядке, произошел теплообмен. Затем смесь попадает в огромные баки — «танки», такие же большие, как настоящие танки, но уж ничем другим на военные танки не похожие. «Танки» лежат на боку, поэтому мы видим только их донышки. Самый правый танк нарисован стоящим, чтобы легче было понять, как выглядят «танки» на самом деле. В них оставляют смесь часов на пять. Вот как долго, а мороженого все еще нет. Но сейчас оно будет. Из «танков» смесь попадает в машины — фризеры.

Большой никелевый блестящий цилиндр фризера непрерывно вращается и температура на его поверхности — 30 градусов холода.

И вот фризер «выдал» мороженое. Правда, оно еще жидкое, такое, как я ел на промышленной выставке.

На этом процесс не заканчивается. Ведь мороженое едят и в стаканчиках, и в вафлях, и в шоколаде. Есть, вы знаете, и торты из мороженого с кремом в виде букетов. Расфасовкой, или дозировкой мо-

роженого, занимается машина-автомат, которая называется дозатором. Под ней «проезжают» тысячи стаканчиков в день. Каждому машина выдает дозу мороженого — всем стаканчикам одинаковую, никого не обидит.

Особый механизм при помощи сжатого воздуха закрывает наполненный стаканчик бумажным кружочком. И все же еще мороженое не такое, каким мы привыкли его видеть: его надо завернуть, чтобы доставить покупателям.

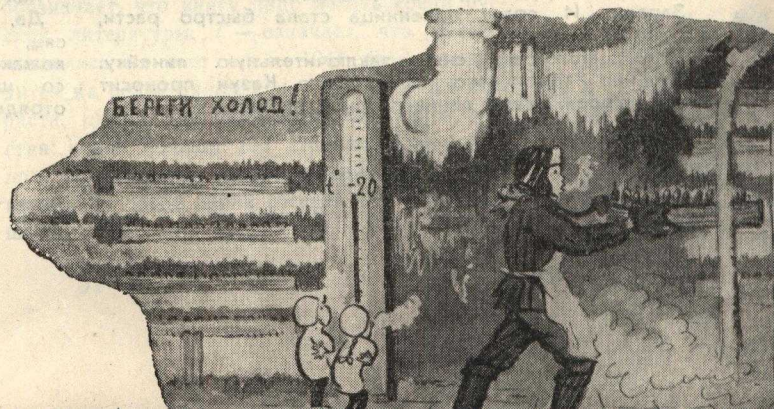
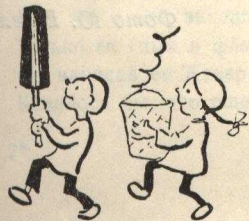
Заворачивает мороженое машина: так же ловко, как человек, но гораздо скорее. Вместо двух рук у машины множество «лапок». Каждая «лапка» делает только одно что-нибудь: загнет бумагу, свернет уголок. Но все вместе лапки работают так, что ты не успеешь заметить, какая «лапка» чем занята, а мороженое уже завернуто.

Чтобы мороженое не растаяло в дороге, его ставят до продажи в морозильные камеры. Там при низких температурах оно «закаляется». Люди ходят в камерах даже летом, в самую жару, в валенках и шубах и стараются работать так, чтобы не разбазаривать холод.

«Береги холод!» — призывают плакаты. Береги холод — он важнее всего на фабрике.

Смотри, сколько на витрине сортов мороженого: больше десяти. Выбирай любое. Выбирай и ешь! Вкусно?

Приятного аппетита!

ВОЖАКИ

У него, как будто, и голоса нет. Но когда он запевает, подхватывают все. В строю он шагает не хуже солдата. Ведет строй, как командир.

Он переплывает широкую реку, знает полсотни трав, точно предскажет погоду, умеет разыскать по следу давно ушедший отряд и перевязать порезанный палец по всем правилам науки.

С ним не скучно. Устроит состязание бумажных моделей, научит танцевать мазурку, клеить из обрезков бумаги пышные цветочные гирлянды.

Вот бы иметь такого товарища! Вот бы его — председателем!

И где он только всему научился?

...Четыреста ленинградских ребят — звеньевые, председатели, члены районных пионерских штабов — провели нынешний август в загородном лагере.

Там всему и научились. Лагерь учил не бояться никакой работы, все уметь, всем заботиться о каждом, каждому — обо всех.

Только приехали, понадобилось уложить дрова. Кликнули добровольцев. Оказалось столько, что лишних отсылали целыми звеньями.

Прыгают из рук в руки тяжелые поленья. Жарко. Начали уставать.

— Какую песню запоем? — спрашивает Люся Шишкина.

— «Баклажечку!»

— Эта песня не трудовая.

— Мы же трудимся, значит, трудовая.

Запели. И сразу поленица стала быстро расти, а гора дров — таять.

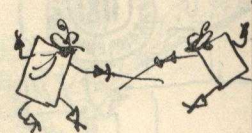
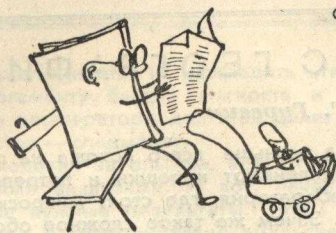
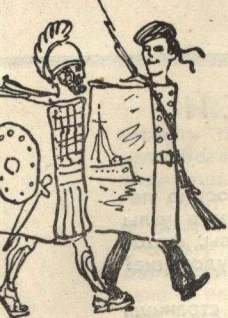
...Наш фотограф снял заключительную линейку. Начальник городского штаба Геня Казун пронесит перед строем знамя ленинградской пионерии.

Кончилось лето. А лагерь продолжает свою работу. Как так? Ведь ребята разъехались.

Да, разъехались. Но столько узнали за месяц, сколькому научились четыреста пионерских вожakov, что каждому не терпится поделиться со школьными друзьями. Пока не научат свои отряды всему, что знают, — не успокоятся.

Фото Ю. Веселова

КНИЖКИ У СЕБЯ ДОМА

Г. Константиновская

Рисунки Б. Стародубцева

УДИВИТЕЛЬНЫЙ НАРОДЕЦ

Открываем фанерную калиточку в деревянном барьере и — перед нами волшебный город. По обеим сторонам улиц — высокие стеклянные дома, иногда они расступаются и видна светлая круглая площадь.

Какой удивительный народец живет здесь! Все разные. Одни щеголяют платьями из кожи и картона, другие, наоборот, — в скромных рубашках из бумаги. Одни толсты и огромны, другие — совсем коротышки, — свободно уместятся на твоей ладони. Есть в этой пестрой толпе и молодежь, есть и дряхлые старики. Это все жители волшебного государства, книги.

Один за другим тянутся залы, длинные высокие коридоры, комнаты, переходы, лестницы. Под потолком — деревянные галереи, на них ведут крутые винтовые лестнички. И всюду — в стеклянных шкафах, на полках и галереях — книги. Целых 10 миллионов. В три раза больше, чем жителей в Ленинграде!

Мы в библиотеке — крупнейшем книгохранилище Ленинграда — Государственной Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина.

Книжки в книжном государстве не просто стоят на полках и в шкафах — они живут, несут службу, болеют и лечатся, путешествуют, снимаются в кино, ездят в метро.

Давайте посмотрим, как это делается.

КНИЖНЫЕ ПАСПОРТА

Ты пришел в библиотеку. Хочешь почитать книжку «Два капитана».

Что ты о ней знаешь?

Только ее «имя и фамилию» — название и то, что написал ее Каверин.

Казалось бы, что еще надо? Но думаешь,

легко найти одну книжку среди 10 миллионов? В каком зале ее искать? В каком шкафу, на какой полке?

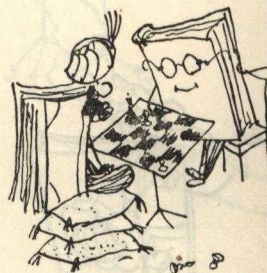
Библиотекарь дает тебе листочек, где ты записываешь название книги и фамилию автора.

Теперь подожди немного. Твой листочек отправляется в паспортный стол книжного государства — каталог. Большая комната, где в стенах и особых шкафах, как соты в улье, — множество деревянных ящичков. Паспорта в них разложены по алфавиту.

На карточке пишут «имя и фамилию» книги, «место и год рождения» (то есть, где и когда ее напечатали), описывают внешность ее (то есть, какой у нее переплет, сколько в ней страниц), указывают адрес книжки. Но этот адрес — не просто номер полки и шкафа. На карточке нужной тебе книги есть непонятная надпись: ЛЗО $\frac{\Gamma-3}{4647}$.

Дело в том, что книги в библиотеке часто переезжают из «дома» в «дом». Приходится уплотняться, уступая место новым жильцам, а их каждый год в библиотеку приходит 100 тысяч! Поэтому в паспорте нельзя указать постоянный адрес книжки.

Что обозначают цифры и буквы в карточке? Буква — Л — это первая буква слова «литература». Если бы тебе нужна была книжка по истории, в карточке стояла бы буква И, если по математике — МТ, но литература ведь бывает разная: есть книги русских авторов, есть произведения иностранных писателей, переведенные на русский язык. Цифра 30 условно обозначает, что книгу надо искать среди русской литературы. Г — означает, что книжка появилась на свет после 1941 года и находится на полке рядом с другими того же возраста; цифра 3 — показывает, что книга толстая: в ней больше 100 страниц. Число 4647 под чертой — номер, под которым стоят «Два капитана» среди своих соседей такой же толщины.

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Г. Гуревич

Реставрационная библиотека меньше всего похожа на простую переплетную мастерскую, где подклеивают корешки и потрепанные углы страниц. Нет, это настоящая лаборатория, где стоят микроскопы, фотоаппараты, химические реактивы. Зачем же такое сложное оборудование? А вот зачем.

Посмотрите на фотографию слева. Здесь сфотографированы страницы старинной искаленной книги, «Географии Птолемея», которая была отпечатана в Венеции в 1511 году. Видимо, книга мокла в воде, лежала в грязи, высыхала и снова плесневела от сырости. Листы прочного пергамента залубенели, покоробились, как бы спаялись друг с другом.

Видите, как трудно разобраться! Но опытному библиотекарю достаточно взглянуть на шифр, и он уже знает, где что искать.

Обычно библиотекарь так хорошо знает «географию» своего отдела, что ему не надо даже смотреть «карту» библиотеки, которая есть в каждом зале.

Книжка найдена и едет в читальный зал.

КНИЖКА ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

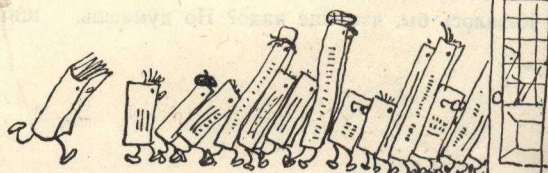
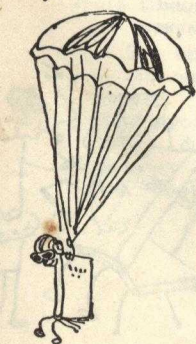
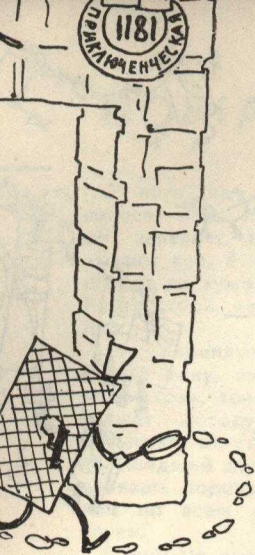
Книжка едет? Да, действительно едет. Путешествует из зала в зал на легких тележках или переезжает с этажа на этаж на метро — электроподъемнике. Метро помогает разгрузить движение. Шутка ли! Каждый день в читальные залы и обратно путешествуют 19 000 книг.

Но это все путешествие на небольшие расстояния.

Книги ездят и подальше. Они путешествуют на поездах, машинах, самолетах и пароходах, на оленях, лошадях, на верблюдах.

...Стоят на поле аэродрома самолеты. По легкой лесенке поднимаются на борт пассажиры. Лишь немногие знают, что вместе с ними покидают родную землю необычные туристы — книги.

Однажды в Публичную библиотеку пришло письмо — член Общества культурной связи между Индией, Китаем и Советским Союзом Акиньи Кумар Чакраборти просил прислать ему для новой библиотеки Общества русские книги, переведенные на индийские наречия хинди и бенгали. Просил прислать и несколько детских книг на этих наречиях.

Чтобы разъединить и разгладить эти страницы, надо было сначала вернуть пергаменту былую мягкость и эластичность. Чего только не испробовали реставраторы для этой цели! И глицерин, и спирт, и особый жир кашалотов — спермацет.

Опыт следовал за опытом, все это проверялось микроскопическими и химическими анализами. И вот, наконец, удача: раствор карбамида в спирту дал нужные результаты. Затем последовала обработка пергамента спиртом и спермацетовой эмульсией — отмыли теплой водой плесень с пергамента, выгладили его под прессом, починили многочисленные разрывы и дыры.

Взгляните теперь на фотографию справа. Это те же самые страницы древней книги, чудесно преображенной руками ученых: химиков, бактериологов, технологов. Книга зажила второй жизнью.

И вот ваши старые друзья Чук и Гек, Витя Малеев, Петя Бачей и Гаврик плывут теперь в облаках вместе с другими пассажирами. Наши с вами любимые книжки будут читать теперь черноглазые индийские ребята.

Публичная библиотека посылает своих жителей в самые разные города и страны. 290 городов Советского Союза и 81 страна на земном шаре — вот сколько мест, куда ездят удивительные путешественники!

КНИЖКИ СНИМАЮТСЯ В КИНО

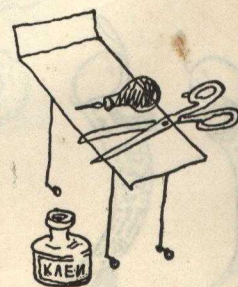
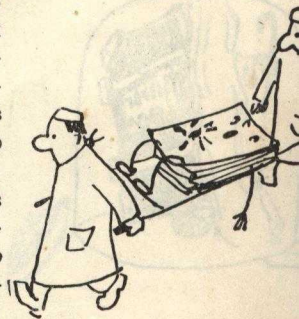
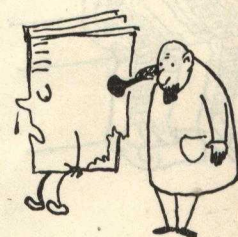
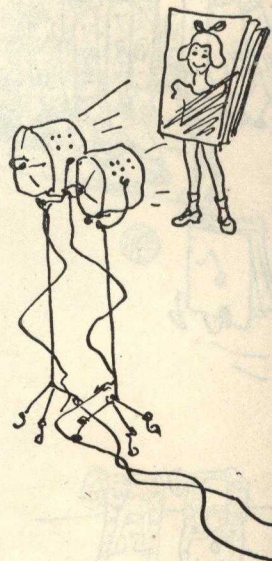
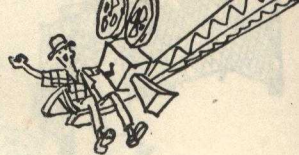
...Глухая тайга, ночь. На поляне между высокими деревьями расположился лагерь гео-

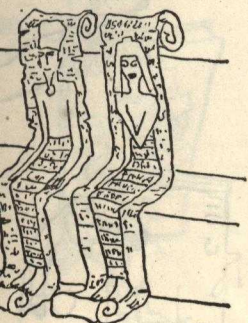
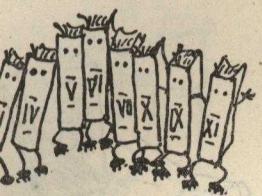
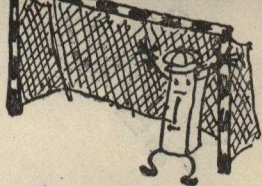
логов. Белеют в темноте палатки. Все спят. Только в одной палатке светится огонь. Это походная лаборатория. На столе разложены кусочки породы, камни. Внимательно рассматривают их два инженера — руководители экспедиции. Нужно решить важный вопрос, в ценном и редком справочнике найти ответ. Но где достать эту книгу среди глухой тайги?

А вот где. Геолог встает, достает из ящика маленький аппарат и коробку с мотками узкой пленки. На экране неторопливо проплывают кадры, словно кто-то переворачивает страницы.

Наконец нужное место найдено. Стоп! Аппарат останавливается. Ученые читают, записывают формулы.

В коробке, которую инженер достал из ящика, — несколько десятков книг, перенятых на пленку, целая научная библиотека. Здесь есть и ценные редкие книги из Пуб-

личной библиотеки. Их нельзя подвергать опасностям путешествия. Даже в библиотеке их не выдают читателям. Ведь от прикосновения рук, даже очень осторожных, книга постепенно изнашивается.

Книгу снимают так.

В специальной фотолаборатории перед объективом фотоаппарата кладут на подставку нужную книгу. Страницы книги перелистывают автоматически. Вспыхивает яркий свет. Аппарат включен, гудит. Один кадр фильма готов.

Так идет съемка, пока не переснимут все страницы на узкую киноплёнку. Обычное название такой ленты — микрофильм.

В Публичной библиотеке есть комната, где стоят аппараты, похожие на фильмоскопы. Плёнка заряжается в аппарат. И, пожалуйста, читайте книгу-фильм!

БУДЬ ЗДОРОВА, КНИЖКА!

Внимание! Враг близко! На красивом кожаном переплете появились зловещие зеленые пятна. Плесень! Книга заражена. В библиотеке объявляют тревогу. Враг особенно опасен потому, что он невидим. В воздухе постоянно носятся мельчайшие споры плесени. Как только в библиотеке воздух станет более влажным, чем нужно, эти споры начинают прорастать на книгах. Большая книга заражает своих соседей. От плесени может погибнуть множество книг.

А что вон с той толстой книгой? Чем она «больна»? Смотрите, ее страницы, словно кружево, все в маленьких дырочках. По кружевной странице медленно ползет хлебный жучок, его личинка — настоящий разбойник.

Обычно эта личинка питается хлебными крошками, сухарями, а в библиотеке личинка начинает пожирать клейстер на книгах, бумагу, переплет. Чтобы наесться досыта, личинка должна съесть невероятно много. И вот она точит страницу за страницей, от бумаги остается только тонкая сеточка волокон, рассыпающаяся при малейшем прикосновении.

Кроме этих «врагов», жизни книг угрожает еще многое другое. Воздух больших городов содержит примеси сернистого газа, от которого желтеет бумага, особенно газетная. Желтеет бумага и от яркого дневного света, от солнечных лучей.

Зорко охраняют в библиотеке здоровье жителей книжного государства. Специальные, очень сложные аппараты очищают от вредных газов и спор плесени воздух, которым «дышат книги». В книжных городах особое, не

вредное для жителей освещение. Для защиты от инфекционных болезней новые книги и те, что возвратились из путешествия, проходят «карантин», их дезинфицируют в особой камере и только тогда «допускают» в книжное государство.

ПОЧЕТНЫЕ ГРАЖДАНЕ

А теперь пойдемте в музей книг. Туда, где живут почетные граждане.

В центре зала на высокой подставке лежит огромная книга. Буквы в ней украшены завитками. Заглавные — разрисованы яркими красками и позолотой. Так выглядит точная копия знаменитого Остромирова Евангелия. Само Евангелие хранится в особом шкафу. Этой древней рукописной книге — 900 лет. Здесь же под стеклом лежат два листа из первой в мире печатной книги. Она была отпечатана в Германии изобретателем книгопечатания Иоганном Гуттенбергом.

А вот под стеклом разложены дощечки из глины, лоскутки тонкой кожи, камышовый лист, кусок слоновьего клыка. Руками древних — индусов, египтян, греков были написаны эти книги. Ведь в то время люди не умели делать бумагу.

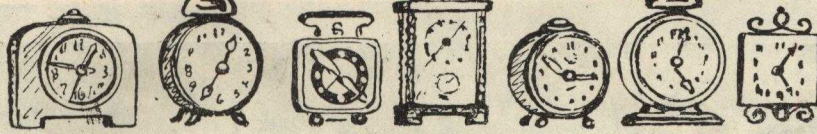
А у этих листовок, газет, брошюр своя волнующая история. На вид они ничем не примечательны — бумага серая, буквы тусклые, неразборчивые. Многие напечатаны на папиросной бумаге. И древностью они не могут похвастаться. Как же они попали в музей?

Эти листовки и книжки — едва ли не самые почетные граждане книжного государства, книги-борцы, книги-революционеры. Их печатали в подпольных типографиях, при тусклом свете коптилок, на заброшенных чердаках, в подвалах, каждую минуту ожидая, что нагрянет полиция. Многие изданы за границей и перевезены в Россию в чемоданах с двойным дном, зашитые в подкладку пальто, потому что они и отпечатаны на папиросной бумаге мелким шрифтом. Сейчас все эти листовки, газеты, книги бережно собраны в Публичной библиотеке в коллекцию с гордым названием «Вольная русская печать».

Наше путешествие закончено. Попрошайтесь с хозяевами книжного государства, с теми, кто управляет книжным народом.

Люди ценят книгу, потому, что книги — это наши добрые верные друзья, они всегда расскажут что-то новое, интересное, придут на помощь в трудную минуту, дадут совет.

Когда вы открываете книжку, помните, что вы встречаетесь с другом, которого надо беречь и уважать.

Глеб Горбовский

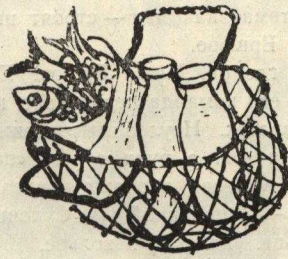
Рисунки Р. Хасиевой

ЧАСОВАЯ МАСТЕРСКАЯ

Мастер строго смотрит в лупу.
«Значит, ваш будильник врет?
Что попало мелет, глупый?
Мы ему залезем в рот:
маятник — язык болтливый —
мы ему убавим прыть.
...Людам надо
справедливо,
только правду
говорить!»

МАГАЗИН БЕЗ ПРОДАВЦА

Я привел вчера отца
в магазин без продавца.
И купили мы для шей
килограмм живых лешей;
и купили мы для каши
две бутылки простокваши.
Долго думали с заботой:
что же нужно для компота?
И решили мы с отцом:
думать легче с продавцом.

КАФЕ-АВТОМАТ

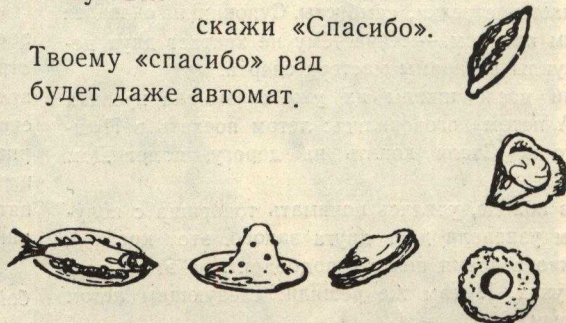
Опускай жетоны-диски,
получай и ешь сосиски.
Опусти еще кружок
и получишь пирожок.
Рыбы хочешь? —

Есть и рыба.

Рыбу съел —

скажи «Спасибо».

Твоему «спасибо» рад
будет даже автомат.

ПЯТЕРО ПОД КОЛЬЦОМ

Фото Б. Уткина

У них тоже есть недостатки. Бельчиков мало думает в игре, Болдырев никак не выработает «свой» привычный бросок по кольцу, Солощенко не хватает роста, Подмастерьеву техники. У всех не ладятся штрафные броски.

И все-таки команда 167-ой школы Смольнинского района стала чемпионом Ленинграда. Вот они, на верхнем снимке слева направо: Вова Солощенко, Георгий Герасимов, Миша Бельчиков, Вова Фишер, Толя Болдырев, Сережа Подмастерьев, Шура Малкин, Алик Тимченко.

...Три года назад они пришли проситься в баскетбольную секцию «Спартак», к самому Кондрашину, капитану команды класса «А». Приняли четверых, остальным не хватило мест.

Но выход нашли. Те четверо, — «спартаковцы», — приходя с тренировок, выкладывали все, чему их научили. Ребята жадно слушали, перенимали. И к концу года школьная команда родилась.

Разучивали игру парой — «элементарную двойку», тренировали ведение мяча, отрывы, проходы, броски по кольцу. Все вместе стали на лыжи. Каждый выбрал себе еще по одному виду спорта, и в команде появились гимнасты, стрелки, самбисты. Супоницкий оказался прекрасным пловцом, — сейчас ему не хватает двух десятых секунды до нормы мастера спорта.

Вечерами после школы их уже связывала крепкая ниточка. А потом договорились: летом поехать в Пушкинские горы. Стали копить на дорогу, помог Дом пионера.

Там, в походе, учились понимать товарища с полуслова. Там узнавали друг друга заново: этот крепкий, этому нужно вовремя помочь, подбодрить, а этого держать в руках. И там же решили: следующим летом едем в Крым.

...Финал городского первенства.

Противники знакомые — команда Невского района. И система знакомая — строят игру на одном паренье, Мише Ершове.

А где он, Миша Ершов? Его нет, он опаздывает. И вся его команда нервничает, просит судью обождать.

Свисток. Неуловимым движением Шурик Малкин снимает мяч с руки своего «подопечного». А дальше только успевай провожать глазами: Тимченко — Солощенко — Супоницкий. А Супоницкий — это значит мяч в кольцо. И верно, в кольцо.

И вдруг зал ахает. Пришел Миша Ершов! Болельщики потирают руки: сейчас он им покажет... сейчас...

Ершов получает мяч. Резкий отрыв — и вот уже он юлой проходит между чужими игроками, отдает мяч своему, принимает обратно, прыгает... Мяч сам собой ныряет в кольцо.

В зале невероятный гвалт. Свистка не слышно. Алик Тимченко, капитан, переглядывается с Шуриком Малкиным, показывает ему глазами на Ершова: посторожи.

И Шурика словно пристегнули к Ершову. Он закрывает Ершова накрепко, тому не помогают ни финты, ни отрывы, ни прыжки. Ершов на площадке, — и в то же время словно нет его. Не клеится игра у команды Невского района. И, что хуже всего, игроки начинают ссориться. А смольнинцы показывают настоящий баскетбол, игру одним дыханием, предельно слаженную технику пяти игроков. Как всегда, много очков приносит капитан. 40 : 20. 50 : 31. Победа!

На поле — пятеро. Но побеждает вся команда, любой состав, любые пятеро в запасе, любые пятеро под кольцом. Побеждает дружба.

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

месса-шутка

С. Дворников

Рисунки Б. Семенова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Юра Чижилов или просто Чижик }
Геня Веснушкин } пионеры одного звена
Тоня Букашкина }
Олег Многодумов — вожатый звена

Действие происходит в школе после уроков

Обычный школьный класс.
Входит Геня. Оглядывает класс.

Геня. Никого нет. Странно. Уточним еще раз координаты. (Достает из кармана бумажку. Читает). «Веснушкин! Если тебе дорога жизнь... знакомого человека, приходи сегодня в свой класс, в три часа. Гело.» Кто бы это мог написать? Подпись какая-то загадочная... «Гело»!.. Ну, что же, Веснушкин, держись. Ты стоишь на грани фантастики, тебя окружают тайны и в воздухе пахнет привидениями. (Прислушивается). Кто-то идет! (Прячется за карту, висящую на стене).

Входит Тоня.

Тоня (осматриваясь). Пусто. Что за глупые шутки! (Видит торчащие из-под карты ноги). О, здесь кто-то спрятался! (Подходит и выталкивает Веснушкина). Ну, это безобразно! Я теряю драгоценное время, а ты прячешься. Имей

в виду, я напишу о тебе в стенгазету.

Геня. Это про тебя нужно в газету. Пишешь, чтобы ровно в три часа приходил, а самой нет. В чем дело, Букашкина?

Тоня. Не меня, а тебя нужно спросить, в чем дело. Ты же писал записку!

Геня. Ничего я не писал! Это ты писала. Не отпирайся.

Тоня. Есть у меня время записки писать! Однако кто же их написал?

Геня. Подписался какой-то «Гело»... Пойдем, Тоня, чего время зря терять?

Тоня. Пойдем. Это просто глупая шутка!

Входит Олег.

Олег (строго оглядывает Геню и Тоню). Все в сборе?

Геня. А сколько нас должно быть всех?

Олег. Двое.

Тоня. А нас трое. Значит, мы на сто пятьдесят процентов собрались.

Олег. Я не в счет. Вы получили мои директивы?

Геня. Записки-то?

Олег. Веснушкин! Я говорю официально. В ваших руках находится судьба известного вам человека...

Тоня. Может быть, ты просто скажешь, зачем нас позвал?

Олег. Хорошо, перехожу к существу вопроса. Вы знаете Юру Чижилова?

Геня. Чижилова? Ах, Чижика... Конечно, знаем.

Олег. Так вот. Я должен вас поставить перед печальным фактом. Названный мною выше Юрий Чижилов — самый отсталый пионер вашего звена.

Тоня (пораженная). Да ну?

Геня. Вот это да!

Олег. Во-первых, он самый маленький. Во-вторых, у него абсолютно нет силы воли... В-третьих, он не растет, а плетется в хвосте. В-пятых...

Геня. В-четвертых.

Олег. Что?

Геня. Говорю не «в-пятых»,

а «в-четвертых». После «в-третьих» идет «в-четвертых».

Олег. А! Ну да, конечно, в-четвертых. Его ни в одну комиссию не избрали и ни на одно совещание не пригласили. В-пятых... Достаточно или нужны еще факты?

Тоня. Все ясно. И кто бы мог подумать! Чижииков и вдруг такой!

Геня. Не ожидал я от него такого безобразия.

Олег. Так продолжаться не может. Он в нашем звене, и мы не должны быть равнодушными к судьбе нашего товарища. Мы несем ответственность.

Геня. Факт. Перевести его в другое звено.

Олег. Это не выход. Мы не можем расписываться в собственном бессилии. Я как вожатый звена поручаю вам перевоспитать Юру Чижиикова. Вы должны сделать из него настоящего пионера.

Тоня. Задача ясна.

Геня. Понятно. Сделаем. Нам не привыкать...

Олег. Я вам как самым активным это поручаю. У тебя, Веснушкин, сколько нагрузок?

Геня. Всех или только ответственных?

Олег. Ответственных.

Геня (думает, считает, загибая пальцы). Восемь.

Олег. А у тебя, Букашкина?

Тоня. На память не помню. Сейчас посмотрю. (Достает записную книжку и водит пальцем по странице). Одиннадцать.

Олег. Вот видите! На кого же другого, как не на вас, я могу положиться?

Тоня. Раз нужно, то сделаем.

Геня. В лепешку разобьемся, а этого Чижиика перевоспитаем.

Олег. Я думаю, трех дней вам на это хватит. Сегодня у нас вторник (думает), к суботе, значит, сделаете?

Геня. Маловато трех дней. Только на поиски Чижиикова день уйдет, я его знаю.

Олег. Не впадайте в панику, Веснушкин. Три дня — это двести пятьдесят девять тысяч двести секунд.

Геня. Ну, тогда хватит.

Тоня. На Чижиикова, мне кажется, вполне достаточно ста тысяч секунд.

Олег. В таком ответственном деле не следует торопиться. Используйте все двести пятьдесят девять тысяч, но проведите работу на высоком уровне. Учтите, что это ваше основное пионерское поручение.

Геня. А те восемь как считать?

Олег. Тоже основными. Но это самое основное, особое. Об этом никому ни слова. Даже Чижииков не должен знать, что его перевоспитывают. Учтите.

Геня. Чего?

Олег. Я инструктирую, а ты даже не соизволишь слушать. О чем ты задумался?

Геня. Я думаю, почему ты подписал записку не «Многодумов», а «Гело». Что это за «Гело»?

Олег. «Гело» это в переводе на русский язык означает Олег.

Геня. Это по-каковскому же?

Олег. По-таковскому. Читай «Олег» справа налево. Ну, принимайтесь за дело. Систематически докладывайте мне о результатах. Своим руководством я вас обеспечу. Вопросов больше нет? Все. (Уходит).

Геня. Ну что же, Букашкина, пойдем и мы.

Тоня. Куда?

Геня. Чижиика воспитывать. Чего время терять? Воспитаем и дело с концом.

Тоня. Ну кто же так начинает воспитание! Нужно сначала выработать систему, а затем уже и воспитывать.

Геня. Какую систему?

Тоня. Какой ты наивный, Веснушкин. Систему воспитания. К Чижиикову нужен индивидуальный подход и особая система, раз он такой запущенный. Мне кажется, наша система должна охватывать обе стороны Юры Чижиикова.

Геня. Разве у него две стороны?

Тоня. А ты думал сколько? Я имею в виду две стороны воспитания, физическую и умственную. Иди и позови сюда Юру Чижиикова.

Геня. Зачем?

Тоня. Начнем его воспитывать.

Геня. Здесь? В классе?

Тоня. Конечно. Воспитание не может проходить каким-то лабораторным путем. Я беру на себя его умственную сторону, а ты возьмешь физическую.

Геня. А, может, я хочу умственную.

Тоня. Но у тебя же только восемь нагрузок, а у меня одиннадцать. Ясно, что именно мне лучше заниматься умственной стороной.

Геня. Ладно, пойду за Чижииком. Бери умственную. Мне еще лучше. (Уходит).

Тоня. Начнем, пожалуй, с гимнастики ума. Чем больше у человека мозговых извилин, тем он умнее. Чижииков маленький, значит, у него и извилин мало. Будем их развивать. Хорошим упражнением для развития

Геня

Тоня

ума являются математические задачи...

Входит Юра.

Юра. Здравствуй, Тоня! Мне Геня сказал, чтобы я пришел сюда.

Тоня. Да, Юра. Садись, пожалуйста. *(Пододвигает ему стул.)*

Юра. *(садится.)* Ну, сел. Только, Тоня, ты поскорее. Мы в волейбол играем.

Тоня. С волейболом, Юра, придется подождать. Есть дело поважнее.

Юра. Что-нибудь очень серьезное?

Тоня. Видишь ли, я тебе сказала бы, но нельзя, это пионерская тайна. Возьми мел и иди к доске.

Юра. К доске? С мелом? Зачем? *(Подходит к доске.)* Что писать?

Тоня. Пиши: двадцать три миллиона шестьсот тридцать восемь тысяч четыреста девяносто один умножить на сто семьдесят четыре миллиона восемьсот девяносто девять тысяч девятьсот семь. Написал?

Юра. Написал. Дальше что?

Тоня. Умножай.

Юра *(удивленно)*. Эти миллионы? Да ты что, смеешься надо мной?

Тоня. Я говорю совершенно серьезно. Умножай эти миллионы. Даю тебе на это одиннадцать минут.

Юра. Но зачем их умножать? Кому это нужно?

Тоня. Тебе, Юра, нужно. Для твоей

же пользы все это делается. Ну, решай, решай. Я сейчас приду, меня ждут в комиссии. *(Уходит.)*

Юра. Не понимаю, зачем ей понадобилось эти миллионы умножать? Может быть, ей задали такую задачу, а она не может решить? Тогда попросила бы меня помочь — и все, а то — «Для твоей же пользы», «Тебе это нужно».

Входит Геня.

Геня. Ну что, Чижик? Видел Тоню?

Юра. Видел. Она ушла и скоро придет.

Геня. Чего это ты пишешь?

Юра. Видишь ли, Геня, Тоне задали на дом задачу: перемножить вот эти цифры, а она не знает, правильный ли у нее получился ответ. Вот она и просила меня передать тебе, чтобы ты перемножил. Но ты слаб в арифметике, и я решил сам перемножить за тебя...

Геня. Вот это новости! Кто тебе сказал, что я слаб? Давай сюда мел и не суйся, когда тебя не просят. *(Вырывает у Юры мел и начинает умножать.)*

Юра. Вообще-то пример простой, только его нужно решить за пять минут.

Геня. Сам знаю, что простой, я его за три решу. *(Яростно стучит по доске.)*

Юра *(в сторону)*. Самое время исчезнуть. Побегу играть в волейбол. *(На цыпочках уходит из класса.)*

Геня *(решив задачу)*. Ого, сколько получилось! Даже и не выговоришь такое число. *(Оборачивается.)* А где же Чижик? Ушел? Ну и попадет мне от Тони. Надо найти его! *(Бежит из класса.)*

Входит Юра.

Юра. Вот не везет! Только стал спускаться по лестнице, а навстречу Тоня. Я обратно, а из класса Геня пулей выскочил. Я еле успел за дверь спря-

таться. Пришлось вернуться. Ничего не поделаешь, дисциплина.

Входит Тоня.

Тоня. Ну, как успехи? О, да я вижу, у тебя уже все готово. Ну что же, на первый раз очень неплохо. Пожалуй, миллиарды можно на завтра перенести...

Юра. Завтра я тебе хоть триллионы умножу!

Тоня. А сейчас, Юра, возьмемся за твою вторую сторону.

Юра. За что возьмемся?

Тоня. Это я так, для себя говорю. Подожди здесь. Сейчас Веснушкина позову. Твоя вторая сторона — это его обязанность.

Юра *(удивленно)*. Моя вторая сторона?..

Тоня. Ты не беспокойся, Юра, это же все в твоих интересах. *(Уходит.)*

Юра. Чего они ко мне привязались? Обрадовались, что я маленький, вот и командуют... А там наши проигрывают, наверное. *(Хочет уйти.)*

Входит Геня.

Геня. Ты где же был? Я тебя по всей школе искал.

Юра. Я? Все время здесь был.

Геня. Почему же я тебя не видел?

Юра. Не знаю. Может быть, по рассеянности. Знаешь, некоторые рассеянные смотрят на кого-нибудь и не видят.

Геня. Ты думаешь?

Юра. Убежден. Особенно это бывает в связи с переутомлением.

Геня. Да ну?

Юра. Я сам читал об этом в журнале «Наука и жизнь».

Геня. Это все от нагрузок происходит. Ты знаешь: у меня с тобой девять нагрузок.

Юра. Почему со мной? У меня ни одной нагрузки нет.

Геня. Нет, это у меня девять нагрузок. Включая тебя. *(Показывает на шею.)* Вот ты где у меня сидишь. Ты ду-

Мел

Юра

маешь, только тебе одному хочется в волейбол играть? Ты думаешь, мне не хочется?

Юра (обрадованно). Так пойдем, Геня, скорее в спортзал. У нас одного игрока не хватает.

Геня. Сказал тоже! А кто будет за меня нагрузки выполнять?

Юра. А ты не бери их так много. Откажись.

Геня. Откажешься, так тебя сейчас же в отстающие зачислят и припишут чего-нибудь. Хорошо тебе без нагрузки! Делай, что хочешь, гуляй, как хочешь. Ты в кино часто ходишь?

Юра. Часто. Все новые картины видел.

Геня. А книги читаешь?

Юра. Конечно. Я в двух библиотеках записан. В школьной и в районной. В районной, знаешь, какие книги есть! Не оторвешься.

Геня. Безобразия! В двух библиотеках записан! Я в одной, и то раз в месяц беру.

Юра. А почему ты в наш кружок «Умелые руки» не ходишь? Какие мы интересные вещи делаем!

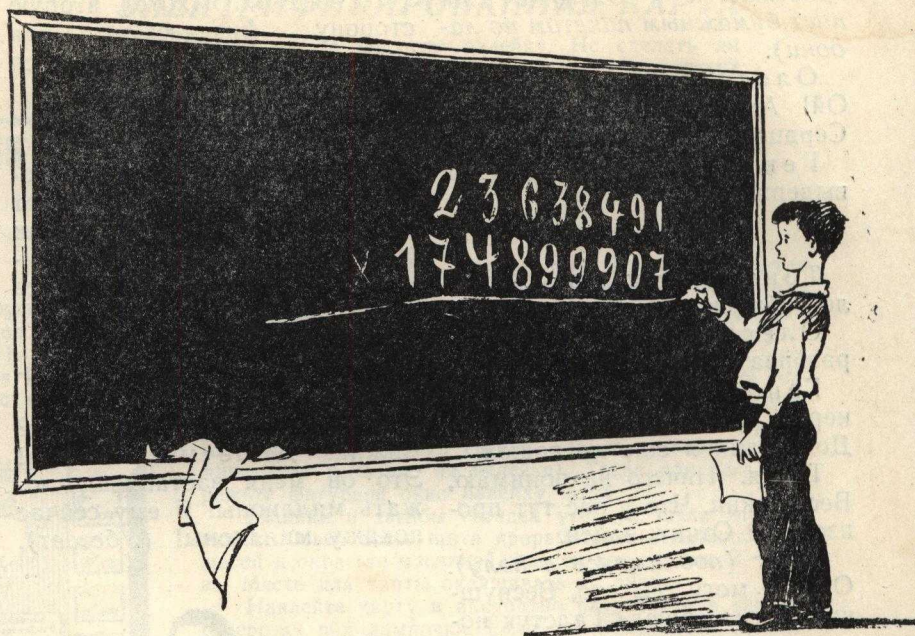
Геня. Я бы пошел, да Олег говорит, что если все активисты будут в кружки ходить, то кто же тогда пионерской работой заниматься будет. (В сторону). Что бы мне с ним такое сделать? За что взяться? За нервы, что ли, или за сердце? Возьмусь, пожалуй, сначала за нервы.

Юра. Мне можно идти, Геня?

Геня. Подожди минуточку. Садись вот сюда на стул...

Юра (садится). Только поскорее, Геня.

Геня. Мне и самому некогда. Нужно бежать еще в подшефный детский сад, проводить беседу о значении альпинизма. Так. Хорошо. Теперь я завяжу тебе глаза. (Достает платок и завязывает Юре глаза).

Юра. Геня, ты что? Я же ничего не вижу!

Геня. Вот и хорошо, что не видишь. Посиди вот так немного. Повязку не снимай и постарайся ни о чем не думать. (В сторону). Где бы мне взять бумажный пакет? В буфет, что ли, сходить? (Юре). Посиди минуточку и не оборачивайся. (Убегает).

Входит Олег.

Олег. А, Юра Чижиков! Как дела? Ощущаешь результаты! Перевоспитываешься?

Юра (приподнимает повязку, видит Олега). Тише, Олег, не мешай. Все испортишь.

Олег. Что это ты завязался?

Юра. Понимаешь, интересное явление. Сижу я с закрытыми глазами, смотрю в окно и все вижу, что за окном делается.

Олег. Не может быть. Это антинаучно.

Юра. Я и сам так думал. Но оказывается, если мысленно представить себе, что делается за окном, то даже через повязку все отчетливо видно.

Олег. Ну-ка, слезай. Я сам попробую.

Юра. У тебя не получится. Тут нужно хорошее воображение, умение фантазировать.

Олег. Ты думаешь, у меня этого нет?

Юра. Как тебе сказать? Может, и есть, но незаметно.

Олег (строго). В порядке пионерского поручения встань со стула и завяжи мне глаза.

Юра. Ну, если в порядке поручения... (Встает и завязывает глаза севшему на его место Олегу).

Олег. Ничего не вижу!

Юра. Я так и знал.

Олег. Может быть, я не туда смотрю?

Юра. Нет, туда... Только нужно хорошенько сосредоточиться и не разговаривать.

Олег. Можешь не беспокоиться.

Юра (в сторону). Ну, наконец-то я могу идти играть в волейбол. (Тихонько убеждает).

Входит Геня.

Геня (в сторону). Если выдержит, за нервы можно больше не беспокоиться. (Под-

крадывается к Олегу и хлопает бумажным пакетом по ладони).

Олег (падает со стула). Ой! Ах! Кто это? Что это? Сердце, сердце лопнуло!

Геня. Так и знал, что не выдержит.

Бегает Тоня.

Тоня. Что случилось? Потолок обвалился?

Олег (стонет). Ой, сердце разорвалось.

Геня. Притворяется. Я за нервы брался, а не за сердце. До сердца я еще не дошел.

Тоня. Ничего не понимаю, Веснушкин. Что у вас тут произошло? Отчитывайся.

Олег (поднимаясь с полу). Ой! Не могу. Ты что, Веснушкин, с ума сошел? Галстук носить тебе надоело?

Геня (изумленно). Олег? Вот здорово! А я думал, это Чижик.

Тоня. Да объясните мне, наконец, что здесь произошло?

Олег. Ненормальный какой-то этот Веснушкин! Грохнул у меня над ухом чем-то как из пушки.

Тоня (строго). Что это значит, Веснушкин?

Геня... Я... Я хотел вторую сторону... физическую... как условились... Ну, а он оказался не он.

Олег. Вот и давай таким поручения.

Тоня (Веснушкину). Не можешь, так не берись. Я вот если берусь за что-нибудь, так выполняю. Небось, у меня Чижиков задачу сразу решил, без всяких фокусов.

Геня. Какую задачу?

Тоня. Вот эту. (Показывает на доску).

Геня (возмущенно). Эту? Чижик? Дайте мне Чижика! Это он меня заставил умножать миллионы! Я ему сейчас покажу миллионы! (Убегает).

Олег. Ну и Чижиков, здорово он провел вас.

Тоня. Почему это нас? А тебя?

Олег. Причем здесь я? Вам было дано поручение, а вы не справились.

Входят объявившись Веснушкин и Чижиков.

Геня. Кто сказал, что мы не справились с поручением? Воспитательная работа проведена? Проведена. А кто кого воспитывал, — мы Чижика или он нас, значения не имеет. От перемены мест слагаемых сумма не меняется. Можешь, Олег, считать поручение выполненным.

Олег (достает записную книжку). Ну что же, так и запишем: «Букашкина и Веснушкин поручение выполнили». Можете идти.

Геня. Куда?

Юра. Как куда? Конечно, играть в волейбол. (Берет Тоню и Геню за руки и уводит со сцены).

Олег (растерянно смотрит на них, потом машет рукой и бежит следом). Подождите, и я с вами!

ЭЛЕКТРИФИЦИРОВАННАЯ КАРТА

Посмотрите на цветную вклейку. Не сделать ли для вашей школы, клуба, дома пионеров такую карту? Одному с этой работой не справиться: Надо подобрать несколько ребят, а руководить будет учитель или опытный старшеклассник.

Рассмотрите чертежи. Распределите, что кому делать. Начинаем работу.

СТЕНД

Высота постаментов — 70-75 см. Другие размеры определите сами — смотря по тому, какое место отведено для установки стенда (см. рис. 1).

Рамы каркаса сколотите из брусков и досок. На обшивку пойдет фанера или картон, а с тыльной стороны — толстая непрозрачная бумага.

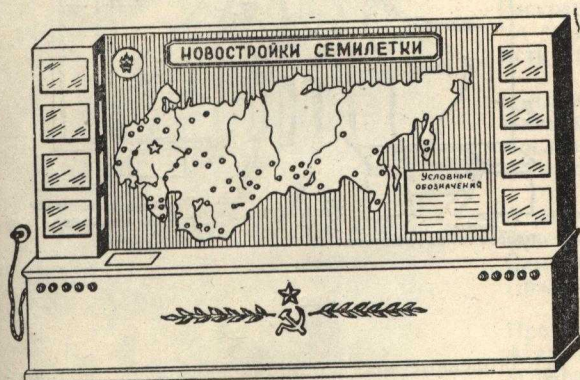

Рис. 1.

Лампочки в щите и колонках не ставьте ближе 15-20 мм от стенки.

ЩИТ

Перенесите нашу карту на картон или чертежную бумагу. Карту придется увеличить. Если нет большого листа картона, можно склеить несколько кусков.

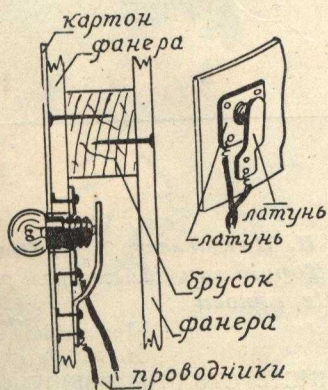

Рис. 2.

Вырежьте карту по контуру. Приложите к лицевой стороне щита, обведите карандашом, шилом проколите точки размещения лампочек (места новостроек).

Отложите карту. Просверлите в щите отверстия для электропатронов. Их можно сделать самому или использовать патроны от елочных гирлянд. Прежде чем делать, рассмотрите рисунок 2.

Прорежьте круг для контрольного сигнала и прямоугольник для заголовка. На полосе картона или тонкой фанеры прорежьте буквы надписи «Наша Семилетка». Полосу наклейте на щит с лицевой стороны. Еще красивее сделать сигнал в виде «северного сияния» (как показано на вклейке). Тогда для него прорежьте фигурное окно наверху щита.

Шляпки и загибы гвоздей утопите, щели зашпаклюйте. Поверхность щита проработайте стеклянной бумагой и окрасьте масляной краской или гуашью 2-3 раза. Место для карты окрашивать не нужно.

Наклейте карту и аккуратно разделайте в картоне отверстия под лампочки. Если вы используете готовые патроны, поставьте их на клей.

КОЛОНКИ - ТРАНСПАРАНТЫ

Ширина колонки — 20-25 см. Рисунок 3 поможет понять ее устройство. В лицевой стенке прорежьте окна по числу главных обозначений — гидро- и теплоэлектростанции, металлургия, химические предприятия и так

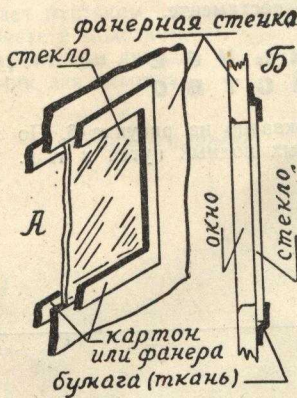

Рис. 3.

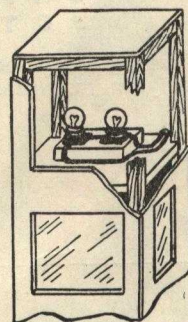

Рис. 4.

далее. Отсек для каждого светящегося рисунка надо изолировать. Щели и пазы заклейте изнутри черной бумагой, а снаружи зашпаклюйте.

Силуэты условных обозначений или рисунки изображайте на отрезках оконного стекла или фотопластинках, с которых смыта эмульсия. Употребляйте масляные или клеевые краски.

Стекла с рисунками укрепите, как показано на рисунке 4 (А и Г).

Застеклите контрольный сигнал и заголовок. На колонках под рисунками поместите короткие цитаты из Семилетнего плана.

ЭЛЕКТРОУСТРОЙСТВО

Электрические гирлянды выполните по рисунку 5. В каждой гирлянде последовательно соединяются лампочки одного цвета, помещенные на карте, и лампы, освещающие соответствующий рисунок на колонке.

Сделайте расчет. Если напряжение сети 127 вольт, то нужно взять не меньше 11 двенадцативольтовых лампочек для каждой гирлянды (127 : 12). Для напряжения сети 220 вольт лучше подойдут двадцатишестивольтовые лампочки.

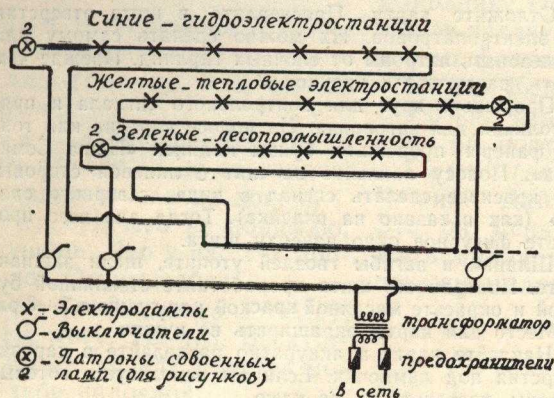

Рис. 5.

Гирлянды имеют самостоятельные выключатели. Все гирлянды параллельно присоединяются к общему шнуру со штепсельной вилкой. Не забудьте поставить предохранители.

Если под рукой только лампочки на 3,5-6 вольт, нужно уменьшить общее напряжение на шнуре с помощью трансформатора.

Выключатели укрепите на постаменте.

СИГНАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО

Сигнальное устройство показано на рисунке 6. По маршрутам газопроводов, новых водных путей и т. п.

укрепите контакты. Для них годятся гильзы малокалиберных патронов, медные болтики или заклепки. Соедините контакты каждой магистрали отдельно. От общего шнура сделайте отвод к лампочке контрольного сигнала. Свободные концы отвода оставьте такой длины, чтобы можно было легко достать ими до любого контакта. Припаяйте латунные наконечники, плотно наденьте отрезки резиновой трубки — изоляторы. Коснетесь обоими наконечниками контактов — пунктов маршрута магистрали — загорится контрольный сигнал, осветится на стенде пионерский значок или «сияние».

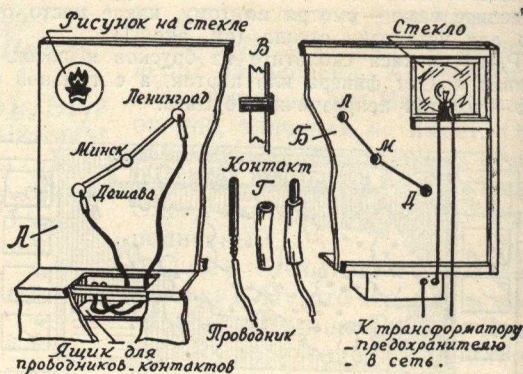

Рис. 6.

Все оголенные места обмотайте изоляционной лентой. Если применяете самодельные патрончики, окрасьте возле каждого из них небольшую площадь эмалью марки ПВХ или любой огнестойкой краской.

Заднюю стенку щита крепите шурупами, — на случай, если потребуются исправить повреждения в проводке.

Кто делал карту, тот будет первым экскурсоводом по Семилетке. Пусть у карты побывает каждый отряд вашей дружины.

К. Курденков

Редактор Н. С. Косарева

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Черныкова

Художник-редактор

Ю. П. Мезерницкий

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Корректор В. Г. Любичка

Технический редактор

А. А. Двораковская

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: наб. Кутузова, 6, тел. Ж-3-23-63, комм. Ж-3-72-12.

М-45740. Тираж 180 000 экз.

Подписано к печати 24/VIII 1959 г. Формат 84 × 108^{1/16}. Печ. л. 8+2 вкл., 6,98 усл. печ. л. Заказ № 597.

8,8 уч.-изд. л. Цена 2 р. 50 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград. Измайловский пр., 29. Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

ПРОСТЫЕ ВЕЩИ

Вот глобус на твоём столе
Раскрашен пестрой краской.
На глобусе — как на земле,
Есть Крым и есть Аляска.

И на шести материках
Найдешь все страны света.
Послушно вертится в руках
Настоящая планета.

А рядом компас,—верный друг
Зовёт на Север и на Юг;
Слыхали с детства этот зов
Пржевальский, Беринг и Седов...

Простых вещей вокруг не счесть,
А смысл большой у каждой есть:
И пара лыж, и стопка книг
— Друзья на жизнь, а не на миг.

А кто считает пустяком
Рубанок вместе с молотком, —
Тот не построит нам дворца
И даже домик для скворца.

Ирина Малярова

